

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ

*При поддержке МБУ «МИБС г. Новокузнецка»
и проекта «Творим историю вместе»*

К 400-летию Новокузнецка

***Собрание
разных сочинений***

Новокузнецк, 2018

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)
У 27

Угрюмов Владимир Евгеньевич
Собрание разных сочинений / Владимир Угрюмов ; [ред. Е. В. Толкачева ; предисл. В. Цыбин, В. Бондарев ; выпускающий редактор: Е. Э. Протопопова ; технический редактор, макет издания, дизайн: Е. В. Кузакова]. – Новокузнецк : [б. и.], 2018. – 184 с. : ил. – К 400-летию Новокузнецка.
Знак информационной продукции: 18+

ББК 84(2 Рос=Рус)

Владимир Евгеньевич Угрюмов (г. Новокузнецк)
Предисловие: Владимир Цыбин, Виктор Бондарев
Редактор: Елена Владимировна Толкачева (г. Москва)
Фото: С. Демидова
Выпускающий редактор: Е. Э. Протопопова
Технический редактор, макет издания, дизайн: Е. В. Кузакова
На обложке: Угрюмов Владимир Евгеньевич,
автор Татьяна Негода

Сборник стихов и прозы 1994-2017 годов новокузнецкого писателя и поэта Владимира Угрюмова, кандидата филологических наук (2010), члена Союза писателей России (1998), доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета и кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета.

С предисловием поэтов Владимира Цыбина и Виктора Бондарева.

© В. Угрюмов, 2018

РЕЛЬЕФ НАЧЕРТАН ДЫМОМ

Начну сразу с цитаты – из «Постскриптума»:

Если каждая фраза скрывает в себе ремесло,
И сбывается слово, и слово сказавший на страже,
Значит мне, как нашедшему имя твое, повезло...
Я могу повторить его.
Все остальное не важно.

А вот – «Подсолнухи»:

Горластые цветы
Нас окликали около земли.
В который день обручены:
Дожди пошли и время завели.

Потому что его хочется тщательно цитировать почти всего – верный знак истинной поэзии. Не отдельные цитатные находки, а, говоря словами знаменитого индусского мистика Кришнамурти, – «пространственные мыслеобразы» – вехи.

Он не синтезирует композиционно – он как бы раздробляет вещественный мир по своему произволению. А скрепами ему служат именно эти мыслеобразы, которые протекают по стихотворению подобно дыму.

В его метафорических словах есть пространство, «воздух» мысли, которым дышат и движутся из ничего в теплоту вещественного времени. Сама душа источает мысли:

Все сроки за полночь. И мысли о вчерашнем
утратили реальность, превзошли
себя и стали краше.

Время и пространство составляют, вернее впадают в предания, в ставшую мнимой действительность. Но эти преданья не конкретны и не сюжетны – они тени, мимолетности, скользнувшие по полушариям сердца.

Тема как таковая в его стихах обыкновенно мало означается, функции темы выполняют его виденья. Отсюда и некоторая миражность красок и линий; за черно – белыми кулисами театра – мира ни сцены, ни актеров:

Красна бессонница и память не у дел,
предел желания пораньше отлучиться.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Как если бы я выкрикнуть посмел
при ярком свете опознав сновидца.

Актер и режиссер – он сам, не управляющий действием и забывший свои роли. В этот мир он не вскоренен, он безроден в этом смысле. Он и на земле взирает, как из космоса, издали, видя и фиксируя только крупные детали, штрихи. Это не прямое виденье, а в увеличительные окуляры.

Слово и речь главенствуют в его мире переходов, перетеков, миражей. Речь – высказанное слово по его лирическому знаку украшают и преобразуют мир:

Ибо после речи
Уходящее из дому прошлое
становится и без времени лучезарно.

Душа и вселенная тем самым уравниваются у него в своем значении, даже меняются качествами друг с другом. Отсюда какая-то отзывчивость и прерывность его поэтической речи, а само стихотворение состоит из отдельных фрагментов, из знаков, еще не написанной или давно утерянной книги:

Стихи его – это веши его духовного возрастания, веши очнувшейся от личного забвения души, путь души – истинный путь поэзии. А она у Владимира Угрюмова – настоящая.

Владимир Дмитриевич Цыбин,
советский российский поэт,
руководитель творческого семинара
в Литературном институте имени А.М. Горького,
2001 год.

ИЗДАВАТЬ НА ПАЧКАХ ЧАЯ

С Владимиром Угрюмовым я познакомился при поступлении в Литинститут и потом – ближе – в годы учебы. У него уже тогда была книга собственных стихов и собственное мнение обо всем. Стихи были обращенными в себя и созерцание. Стихи, как диалог с собой, без расчета на подслушивающих. Ни политики, ни острых тем. Ни гнева. Ни секса. Никакого заигрывания с обществом. Ни крови, ни понтов. Ничего из набора всего того, что в рифмованном варианте любит почитывающий обыватель. Но столько воздуха в стихах Угрюмова! Только успевай переводить дыхание в пути среди его образов. Дыши и думай. А выражение своего мнения в критике у него было как удар боксера. Мгновенно и точно. Минимум слов и максимум образов. В дальнейшем общении с Владимиром я понял, что мне неважно, какие стихи он пишет и о чем они. Он мог бы вообще их не писать. Владимир и без стихов – настоящий поэт. С ним можно помолчать. С ним есть, о чем помолчать. А его выражения и фразы, высказывания и размышления ни о чем и в тоже время обо всем, сразу нужно записывать и издавать. Издавать на пачках чая. Попиваешь крепкий чаек – наслаждаешься крепким выражением. Крепким, потому что прочно и надолго. Он ничего не придумывает, а проживает каждую фразу, каждую строчку, каждую букву и запятую. Прислушайтесь к речи Владимира Угрюмова – потому, что она и есть настоящая поэзия. Присмотритесь к его жизни, потому что она и есть – жизнь творческой боевой единицы в потоке миллионов пленных, захваченных бытом и битом, кредитом и аудитом. Торопитесь познавать. Торопитесь дышать кислородом. И улыбайтесь. Иначе: остановка «Дом культуры», следующая остановка «Шлакоотвальная». Это импровизация, за ней ворчание и тишина.

Виктор Бондарев, поэт,
Санкт-Петербург, 2017 год

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

ВТОРОЕ ПИСЬМО

(стихотворения 2000-2005 гг.)

Второе письмо

Постарайся прийти до зимы,
до воскресного холода в окнах.
Приходи, как приходят займы,
до предательства ненароком.

Мне при встрече тебя не узнать.
Узнавать я совсем разучился.
Словно Божия благодать
опочила в прожиточных числах.

Словно греются на груди
птицы белые, прописные.
...Я хотел бы тебя увидеть,
так давно я не вижу сны.
2000

*** *

Расскажи мне скорей о наличии мест
беспольных в своей перспективе.
Вот придут доброхоты и сядут окрест,
и останутся до субботы.

Благодарности ради смогу перенять
их движений разумную строгость.
Я охотно поверю: что вам до меня,
вопросительные недотроги.

Я имею возможность не знать о себе,
повторяя размеры одежды...
Так отходят ко сну и, слегка ослабев,
долго спят в ожидании снега.
2000

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Твари бедовые, ябеды силы,
с вечера день берегли.
В сутках двадцать четыре молитвы. Все остальное –
в воду упавшие корабли.
Сияются плавать – подобие встречи.
Ягоды на кустах.
День начинается, видимо, с вечера,
значит впотьмах.
Значит подобие гавани ближе,
чем корабли,
в воду упавшие. Все остальное –
кромка земли.
Место для встречи, погрешность во времени,
ягоды на кустах,
необходимые вещи общения,
собранные второпях.
В спешке, займы, если это по силам –
выбраться из примет
за полночь. Но скорей опостылет
фраза, услышанная в ответ.
Словно паломничество по месту
жительства, по часам.
Встречи, похожие на молитвы.
Все остальное время – зима
и прописные зимние истины.
Фраза, услышанная в ответ, –
что красота – это тоже при жизни –
сказанный комплимент.
Действующие лица в момент возвращения
к жизни. Время в момент
близости или подобия близости,
сотканной из примет.
Из разговора акцент иноверца
равный в итоге нулю.
И до востребования. Все, что написано, –
клюквенный сок...
2000

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Независимо от расстоянья, в котором живешь,
неучтенных желаний тебе не собрать воедино,
чтобы день, как принято в Рождество,
состоял из прекрасной своей половины.

Ну а мне остается прервать разговор,
намекая на возраст, похвастаться более нечем.
Если что и случится... Молчанию наперекор
ожиданье тебя наполняю прямою речью.
И смотрю сквозь звучащее слово на свет,
ошибаясь по имени с точностью до оговорки.
Вопреки расстоянию или в котором
ожиданье тебя – монолог.

2001

Если будет возможность выбора, я б хотел
поточнее выглядеть. Издалека
говорить, как принято. Не у дел
оставаться безвыходно, напоказ.

Сделать копию документа, в котором сплошной закон.
И не числиться ни параллельно, ни под прямым углом
к заголовку, а валять дурака
где-нибудь в примечании среди слов.

Умирать при отсутствии мелочей
в отношениях, словно для памяти. При –
забегая вперед, в обратимость речей —
при возможности вслух говорить.

2002

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Отсутствие рождается в любви,
в попытке слова спрятаться за фразу.
В изображении зеркальном внешний вид
теряет смысл. Устав от пересказа

действительности, выдумая бред,
и птичью переправу против ветра,
и собственное имя как ответ
на все, что оставалось без ответа.

Продлится переправа за порог,
сомкнутся птицы в слово, в неподвижность.
Поскольку имени момент есть монолог,
произнесенный накануне жизни.

Прочитанный во внешности извне,
из полного отсутствия, словами,
лишенными событий. Так во сне
события опережают память.
2003

...если исчезнешь в силу условных причин,
и о тебе, пожимая плечами,
не догадаться. Какое уж там ни шепчи
слово в Писании. Словно оно между нами
сбудется. Стоит лишь перейти
поле, как место под солнцем в бессмысленной
скороговорке.
Так дорассказывают о жизни, теряя мотив.
Или слова забывают в восторге.
2003

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Непрерывно для встречи спешу преуспеть в разговоре,
в красноречии бравом, исчерканный, как ученик.
Почитатель закладок, на паузу скорый,
торопящийся паузу причинить
самолично себе. Заручиться одеждою в пору.
Одеваться как в заговор, на произвол,

на отсрочку, на жизнь –
заключенный под стражу –
на заметку для ликвидации, впрок,
своего, скажем, прошлого и
настоящего. Скажем,
откупиться от жизни, произнести монолог.

О себе о самом
так нескромно, что даже в полете
птицы выглядят меньше, чем жест
в направлении к ним.
Продолжая, вдогонку – перечеркну, не поймете –
словно встреча по времени равная жизни,
но встреча взамен.

Июль-август 2003

Единственно, о чем прошу,
ты сохрани нетронутыми вещи
для внешности, поскольку внешность
заключена в них, словно в голос шум
сердцебиения высокой частоты.
Во время разговора с посторонним
сбиваюсь на устойчивое "ты" –
предлог для встречи, самооборона,
уверенность, что я способен
на завтра. Будь моим
доброжелателем.

Подумай обо мне.
Я буду легче скорого помина.
Ты выдумай меня наполовину
из повседневности. Наполовину к ней
верни. До радости от разговора, до
потери внешности. Легко ли
желание оставить жизнь в покое
и не напрашиваться. Будь
моим доброжелателем.

2003

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Я научился твоему
отсутствию. Так ветер ветви
покоит в ласковом плену.
Так доверяются вину
и обучаются молитве,
переходящей в праздную молву.

В привычку громко величать
одноименности событий.
Пробелы, прочерки, обиды.
Так пропадают в мелочах
пожизненно. Так ненавидят
осколки звезд.

И учатся молчать.
Август – сентябрь 2003

Не поддавшись на уговоры,
да и не было таковых...
Днем небесное высокогорье –
иллюстрация грозовых
туч. Обещанный дождь под вечер.
Путешествие на двоих.
Распадающееся на встречи
время складывается в мотив.
И всё далее в непорочность.
Счет обратный, один в один.
Я доплачиваю за срочность,
скоротечность опередив.
Неустанно теряя минуты
до востребования. Окоём
день, который ты ждешь, как будто
иудеи воскреснут в нем.
Воцарятся сиюминутно
в праздной ветхости облаков,
в освидетельствовании попутно
слова, списанного на покой.
У подножия горизонта,
чуть поодаль большой земли.
И все далее, до субботы,
до банального «были бы».
7 февраля 2004 г.

Если кто и отважится перечесть,
и вернется ни с чем, и начнет эту книгу сначала,
эту паузу, переходящую в речь,
заучив наизусть и заученный текст различая,
как свое отражение. Или побег
от того, что увидел. Меня походку.
Приговаривая к себе
собеседника, будучи словоохотлив
по любым пустякам. Сознываясь в своей правоте,
в повседневных делах, в усмирении быта
для удобства. Запомнив слова, но не те,
выражения — словно по почте открытки,
совместимые с жизнью, с привычкой назад
возвращаться ни с чем, налегке, мимоходом.
Сохраняя себя в подавляющем «за»
против всех воздержавшихся...
Апрель 2004

События покинули меня.
Я сам, как непосредственный участник,
был заодно и не воспринимал
серьезно событийность в одночасье.

И словно долг прожиточный разняв
на самый долг плюс краткий пережиток,
на бодрствующих для себя и сна
лишенных для себя в убыток.

С бессонницей на один
предпочитаю мнимую погрешность.
Как будто дождь бессвязный прохурил
и вновь перелатал штрихами внешность.
Май – июнь 2004

Постскриптум

Не вникая в подробности сказанных слов
я признаюсь тебе, что легко говорю восвояси.
Среди писем, похожих на переполох,
я не в силах паясничать.
Если каждая фраза скрывает в себе ремесло,
и сбывается слово, и слово сказавший на страже,
значит мне, как нашедшему имя твое, повезло,
я смогу повторить его,
все остальное не важно.
Остальное история, прочерк, вернее, исход.
Как сквозь пальцы вода.
Или птицы, взлетевшие к югу,
словно лишние.
Кто их теперь стережет.
...И скучают часы о тебе, и уходят по кругу.
Замолкают, свободные от примет,
от игры в одиночество, от обещаний на утро.
А возможно и время, и все, что во времени – свет,
на минуту замешкался.
Красота ведь минутна.
Хотя нет, теперь уже нет.
2003

И пробный камень – вечная игра.
Игра ума при свете спички.
Я закрываю на кавычки
рассказанное мной вчера.
Мы спорили. За око ли, за зуб.
Я важничал, как собеседник,
наивно избегая опасений
быть выученным наизусть
свидетелем, твоей частицей «ни».
Пока светло мне – в этом перспектива.
И речь моя в долгу необратимом
перед тобою. И повременить
есть повод. Есть считалочка до ста.
Уносит ветер и под солнцем кружит.
И служат облака земную службу,
друг друга окликают просто так.
Август 2004

Фрагмент контурной карты

Но близок день. Канун чистовика.
Все замерло, предчувствуя интригу.
Из таинства хождения по рукам,
по кругу, вспять, нарушив круг. Воздвигнув
звучащее название. С листа
читая карту местности за кругом,
за окопесницей, себя переписав
в развернутый до афоризма угол.
В бессмыслицу. Пускаясь наутек.
От смысла вон, тылами от погони.
Храня молчание, замалчивая впрок,
как сбережения, зажатые в ладони
к началу дня. Движение от сих
до сих пределов — бегство по привычке
копить в руках и ключ преподносить
от города оставленного лично.
От названного вслух, возможно, зря.
Фрагменты жизни, скрытые от глаза.
Как примечания к поступкам с января
и по декабрь (источник не указан).
Из прошлого, берущего во сне
свое начало. Как попытка выйти
из тайны узнавания, из не —
вмешательства в круговорот событий.
Из равновесия, из неудачи жить
подобно многоточию. Подробно
перечисляя жизни рубежи
и замолкая словом «оборона».
В метафоре опустошая сон
для пробуждения на всякий случай.
Подобен многоточию песок,
волной опустошенный. Было б лучше
оставить сбережения в руке,
прикрыв ладонью контурную карту,
как чистый лист, без слов, и налегке —
название готовое на завтра.
Январь 2004

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Привычка говорить и внешний вид.
Быть узанным — ошибочная фраза.
Куда важней себя восстановить
Со слов своих и сдаться тут же разом
на милость победителя. На миг
остаться в одиночестве и снова
потребовать от прозы болтовни
и от поэзии – единственное слово.
Сентябрь 2004

Теперь, когда, сейчас, еще
на тему, заданную всеу,
ты говоришь и нагишом
прохаживаешься, плясунья,

по кромке бойких мелочей,
в необходимости запомнить,
чем свет является и чем
он не является. На что мне

твое стремление предать,
расставить точки без помарки.
Заболтанность и благодать,
холодный май, сентябрь жаркий.

Поступки вроде из числа
поступков ближнего предела,
где ты мне нашептать смогла
мое смирительное дело.

И сохранить до мелочей,
в необходимости несносной
лов рыбы, мерный звон ключей
слова свидетеля... И после.
Сентябрь 2004

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Температура скатывается к нулю
по классической вертикали.
Отрицая любое движение с грифом «на юг»,
как в последней инстанции молча себя отрицая.

По прямой, к совершенству, к запрету себя
от себя же, до точки, и с ней не поспоришь,
и не выживешь, много причин перебрав,
словно я и не муж, и не друг, и не враг,
затерявшийся в прозе, в подсчете цыплят,

тыча пальцем большим вниз и чаще всего без разбора.
Обнулив то, что свыше, читай – результат.
И ни то и ни се, и по смыслу умора.
И не холодно, в общем-то, не горячо.
То, что кроме нуля – долгожданная трезвость.
И преследуют, и выкрикивая почему зря
обидное: «Ave Caesar».

Сентябрь 2004

Сентябрь 2005

... и медленное, если задремал,
падение сквозь жизнь. И не пребудет
с последним ветром листьев кутерьма.
Желание обрадоваться людям
и довести хотя бы до ума
свое присутствие в судьбе своей. Покуда
сбывается прогноз: по северу зима.

Октябрь 2004

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Я всматриваюсь в облака
без видимой тому причины.
День состоится, как рассказ
в рассказе, легкий на помине.

И я прочту его тебе
с листа, пока хватает света.
Покуда свет не ослабел,
мы не заметим, свет ли это.

Мы не заметим, что стряслось:
земля и небо, как обычно.
Мы существуем будто врозь,
как будто вместе неприлично

существовать, читая вслух
подобное в подобной прозе.
И чтение нам сходит с рук,
сбываясь рано или поздно.
Май 2005

Ты выбирай – мой находчивый – между собою и над
чем посмеяться. Оно бы так было вернее.
Что до меня, я, конечно, живу наугад.
Главное, не появиться в будущей серии,

не повториться. Такое мое мастерство,
общее место, и ангел, стоящий у двери,
как нарисованный в шутку или всерьез.
Главное – не появиться в будущей серии.
Сентябрь 2005

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Так я ручаюсь. Делим пополам.
Тебе все остальное, мне бы, кроме
не писанных законов, знаю сам,
зачтется без подробностей: виновен.
В любом касании и в будущем, как вор.
В тебе виновен, сам себя назвавший,
как самозванец. Видно до сих пор
я был, согласно возрасту, вчерашний.
Как образ собирательный из тех
прообразов, присевших на дорожку.
Который день готовый к темноте
и избегающий ее нарочно.
Не позавидуешь. Моя ли то звезда
качнулась в небо – скоро возвратится.
Загадывай желанье... С кем бы за...
загадывать и ждать из любопытства.

Июнь-июль 2005

Ради забавы стрелки сведу на часах.
Ждать ли гостей или плюнуть на сторону трижды.
И возвратятся сбежавшие от греха
грешники, знающие при жизни

место, в какое послать, если пух и перо
им не обещаны, зря ли рвались к перелету.
Что ни насвистывай, свист – это тоже вранье.
Даром меня узнают и заботятся – вот он.

Будто бы жизнь, как сама по себе, обрела
самостоятельность. Будто меня оставляют
при исполнении, проще сказать, в дураках.
Или попроще, я сам дурака и валяю.
Август 2005

Авель

И во многом богатстве таится наличие сна,
соблюдение жизни, величие поневоле.

И во многом богатстве все то, что легко вспоминать,
что становится солью, когда остаешься без соли.

Что становится временем, взявшим заботу лечить
от своих перемен, торопливо ведя перекличку.
Окликая по имени, чтобы затем исключить
из дальнейших событий нескромную в общем привычку

жить, согласно ошибки, согласно способности. И
откликаться на имя и тем богатея. Как будто
имя есть предисловие к жизни, попытка свести
счета с будущим.

Октябрь – ноябрь 2003

Авель убит

1

Словно в самое время, как было, на месте, врасплох
я невольно застигнут и нет у меня отговорок,
чтобы бить мимо цели и броситься со всех ног
. . . по сегодняшний день, над которым
ставлю точку. Кочую в канун Рождества.
— Приклони и услышь меня, — скоро кочую
до тебя, пошатнувшись на слове «едва».
И в обратную сторону, Бог весть в какую.

2

В том обыденном смысле, когда я чуть свет не в ладах,
как законопослушник наперегонки с пустяками.
Не живущий, а нажитый впрок. Видно, много вреда
в добровольном отказе от заголовка «На память
и так далее». Если принять алфавит
за поправку к судьбе и своих современников прозу,
непрерывно записывающих: «Авель убит.
Аккуратно, без комментариев, без и . . . »

3

О содеянном, с места событий, судить не берусь.
Было б на руку мне, если б судьи мои преуспели.
И в своих начинаниях, как ни крути, ко всему,
до того смехотворному в жизни, имели бы цели.
Ко всему прихорашиваясь . . .
Музыка никогда
не была так доступна, бессмысленна, необходима.
Ты ко мне обращаешься, словно я имя отдал.
Ты его произносишь, ты вновь возвращаешь мне имя.
Ноябрь 2004 - март 2005

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(стихотворения 2006 – 2007 гг.)

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

На земле с неизменным названием суша
непрерывно запомню одни облака,
отступившие в небо так, словно игрушки
в ожидании следующего игрока.

И за ним будет новый стремиться по тексту,
а точнее, по слову, по ходу судьбы,
говорить о себе с кем придется. И место,
где сказал о себе, поскорее забыть.

Январь 2006

То и дело я произношу
слово в слово то, что даром слышу.
Не перевираю, не грешу
собственной речью. Если свыше,
если даже снизу, все равно
некий говорящий – просто некий
слушает со мною заодно,
с голоса печальной канарейки.

Январь 2006

Я увидел, что ты существуешь помимо меня.
Без меня существуешь, как дети в своем настоящем,
забывая о будущем и ничего не храня.
Если встречи и не было, ты улыбнешься на счастье.

Я останусь в живых, как в неправдешной ворожке.
И раздам свои вещи, которых касалась. И в новой
жизни, так называемой, буду молчать о тебе.
Непутево мечтать и заботиться беспрекословно.

Март 2006

Первое письмо

У тебя может быть поживу.
Я другому никак не обучен.
Этот свет, то ли свет, то ли звук
мимоходом. Что мимо, то лучше.
Что там, в будущем, то и родней.
Самарянские крупные крохи.
У тебя в доме много дверей
слишком тесных и в меру широких.
Ноябрь 2006

Не задерживайся, я не задержусь.
Ты ведь знаешь, мне непоправимо.
И в не поправимое – скажу –
верю я, как верят, что любимы.

Верят, что проснутся, если спят.
Верят в лето, летом верят в зиму.
В крылья верят, но не улетят,
потому что верят, что любимы.
Май 2006

До дневного тобою желанного света,
в час, когда даже птицы не смеют летать,
я тебя сберегу, словно ласточку летом
сберегает в объятиях высота.
Ты коснешься меня – буду прикосновением
ты взлетишь – буду ветром твоим под крылом.
...и в груди останавливается сердцебиение
продолжаясь в тебе...
Август 2006

Я верю вам, смотрящие в окно,
из непогоды. Из-за непогоды
захлопнув двери. Словно с вами кровь
осталась и не хочет, не уходит.

И теплится, и кажется внутри,
и здраво мыслит смерть свою в работе
по дому. По неловкости я кри...
Я крикнуть не успел, а вы живете.
14-19 октября 2006

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Осенние сводки сухих новостей,
что птицы покинули нас.
Что все холоднее ложиться в постель
и думать: в последний бы раз.

По собственной воле, по воле своей
сквозь сон пробуждение ждать.
Свернуть бы налево, да выйдет правой
намеченного рубежа.
И точку поставить в любовный рассказ,
один к одному монолог
о том, что все птицы покинули нас
под ноги упав, на порог.
Октябрь 2006

Подумать о том, чтоб уйти, не взглянув на часы,
не выдав себя торопливостью, дело такое.
Когда на засыпку отвечаешь: больше чем сыт.
И, втиснувшись, боком минуешь любое застолье.

Когда на проверку оказываешься пьян.
Не то, чтоб слегка, а безвыходно. Не умея
связать воедино восторженность небытия
и все отвращение к первому дню от похмелья.
Январь 2007

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Вспоминая рассказанное о тебе,
кто бы ни был рассказчик, да кто бы он ни был,
хоть трубач, возыгравший на светлой трубе,
то ли свадебный марш, то ли просто гибель...

То ли просто. Нет после. Сейчас не хочу.
Я послушен звучанию, словно начало
этой музыки рядом с тобою. Ничуть
не фальшивит играющий. И не мало

я придумаю слов во своей ворожке –
самых темных и чутких стремящихся к свету.
Я как слушатель музыки о тебе
и как слово, рожденное в музыке этой.
Январь 2007

Без ударных последствий, без высылки на
расстояние сжатое до недуга.
Равносильное третьей попытке принять
за ошибочность то, что другие за ругань
принимают как есть, словно есть адресат.
Словно горче, чем жить, можно пробовать выжить,
пожиться собою, таким вот, под стать
не имеющим сраму.

...Имеющий крыжик,
птичку – галочку – ногтем – почти что насквозь:
Будто книга прочитана по живому.
Будто: «Господи, разве все это всерьез,
как слова: «навсегда» и – для пошлости – «в омут».
Март 2007

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

В ПОИСКАХ ВОЗДУХА
(стихотворения 2008 – 2009 гг.)

Путешествуешь, не робей.
Я и сам, словно выпив меру,
Нет, не в люди, а сквозь людей
путешествующий наверно.

Чтобы день не стучал в висок.
Чтобы все, что проходит мимо
было к лучшему словно сон
неизбежный, но не любимый.

Чтобы пел неподвижный хор –
спутник твой и твоя запятая.
Чтобы было тебе хорошо,
как отсутствующему бывает.

Все, что встретишь, дели на ноль,
ты получишь смешные числа.
Я делю и сквозь алкоголь
путешествовать научился.
2008

Это неважно, что я не дожил,
переминаясь у двери, до срока давности.
Дверь – это тоже, кажись,
местоимение. Вместо «за око»
око, не знающее сна,
не замутненное даром провидца.
Чтобы увидеть, что будет и знать
точно: увиденное не случится.
2008

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Повстречать бы тебя, избегающий дом проходимец –
нищий мира сего, ежедневник с чужого плеча.
Урожденный для радости, есть от чего возгордиться,
сбиться с ног от усталости, слово сказать сгоряча.

Повстречать бы тебя на крови нестерпимо живого.
Заболтаться, заохать нарочно дразня тишину,
что есть силы. Что есть еще встреча дословно
продолжающаяся без минут.

Я тебе расскажу опечатки из книги настольной
бытовых сновидений, из прошлого имени.
Будто мной не доношены вещи, и ты по-простому,
ты научишь меня эти самые вещи не знать.

Ты напишешь на сон мой сварливые крупные ноты,
непослушную музыку, я за нее хлопочу.
Избалованный болью, точнее, измотан.
Я тебя повстречаю. Так проживают мечту.

Будто в поисках воздуха. Воздуху необходимо,
чтобы кто-то дышал, задыхался слегка перебрав.
Мне узнать даже некого из торопящихся мимо.
Ты неслышно танцуешь, и музыки нет без тебя.
2008

Все тот же попечитель в записном
восторге и кривляется, и дразнит.
Благословенна сказанная днем
и ночью уничтоженная фраза.

Разболтанная в чепуху
в родном дыму, в мозгу испепеленном,
в сожительстве со всеми на слуху.
Как нищий в ожидании закона.
2009

О том, как заплываю в море,
не говорю. Мне говорить
не хочется. Беру измором
день следующий, чтобы жить
в весеннем воздухе, в осеннем.
И на миру – и ветра нет –
красно любое сновиденье,
летающее на свет.

Я сновиденью потакаю.
Я рад, что снится ерунда
О том, как в море заплываю.
Плыву, баюкает вода.
2009

Что там курлычат курлыки
про поднебесное дно?
Лица, обличия, лики
в заговоре заодно
с миром. Вот с этим вот миром.
Станешь тут птичек имать
ты, закадычный мой лирик,
выживший из ума.

Слышишь, они к тебе с криком,
как с благородным плевком
в душу, беспечно великую,
вечную – кровь с молоком.

Если ж на душу проруха, -
свечку поставишь сперва...
В землю сойдешь – там ни пуха,
в небо взлетишь – ни пера.
2009

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Цветешь или не увядаешь,
торжественно глядя вперед,
в стекле безмятежного взгляда –
десяток фальшивых невзгод.

Гремят перелетные хоры,
и музыка стынет в крылах.
Воинствующие волонтеры
испытывают свой талант.

Танцует простое семейство,
одно из немногих простых,
свершается слов чародейство
и действие чар хмельных.

Но взгляд отражает как чудо -
увиденное в тоске:
задумчиво пляшет Иуда,
и жизнь его на волоске.
2009

Язык окольных предисловий
к тебе, ко мне и во саду.
Избыток междометий, крови,
расплескивающейся на ходу.

И кажется, что кровь – навечно,
и мне нисколько не грозит
действительность, она же – встреча,
она же – зеркало вблизи.
2009

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Живу каждый день, совпадаю
с другими живыми. Едва
догадываюсь, но не знаю
о том, для чего же слова.

И надо бы, стало быть, что-то ведь
разумное возыметь:
сходить на воскресную проповедь
иль просто в окно посмотреть.

Увидеть весь мир на ладони,
на Божьей легкой руке.
Увидеть, подумать: уронит
и вымарает в песке.
2009

Мы побудем с Тобою, пока мы мертвы.
Защити нас от слов. Сбереги от молвы.

От прихода второго и третьего дня.
От дурной неизбежности что-то менять.

От того, что к Тебе наше время пришло,
наше опустошительное ремесло.

От – всегда – говорливости в воздухе, и
неуслышанной заповеди: «Живи».

От доходных ученых и непроходных.
А еще – от чужих. И теперь – от своих.

Мы – молитва твоя неудачная. Мы
появляемся там, где Ты руки умыл.

Мы все то, что отсутствует. Мы – тишина.
Не давай нам случайные имена.
2009

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

И в конце октября так легко повторять: «Не убий»,
отрекаясь беспечно от самых любимых обид.
Не найдя в них ни зла, ни добра, ни другого вреда.
И собаки бредут по хрустящей листве в никуда.

И вороны с деревьев срываются и шелестят.
И подумаю я: это черный ночной листопад.
И подумаю: так вот, дрожа от внезапной тоски,
возвращаются в землю несбывшиеся черновики.
Ноябрь 2009

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

ДВОЕ

(стихотворения 2010 – 2017 гг.)

Бездомному не строить дом.
Безумному зачем стихи.
«Мы будем жить с тобой вдвоём», -
говаривал себе Эсхил.

Как Прометей с огнём в руке,
чтоб люди знали, что есть тьма.
Как прошлое на потолке
в глазах сошедшего с ума.

Пусть будет ночь, куда не глянь,
пусть день развеселит глухих.
«Эсхил, не разжигай огня,
то говорит тебе Эсхил».
7 февраля 2010

Читая Платона

Слышна масштабная мелодия страны,
и все плясать решительно должны
и верить, что вокруг шумит страна,
не осень и уж точно не весна.
Так слышится мне в тишине ночной:
все пляшут неустанно, в разнобой,
поют на непонятном языке
все тут вблизи и там вон вдалеке.
И только где-то тихо над страной
ребенок плачет, споря с тишиной.
Март 2010

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Говори, если есть отвечающий,
радующийся тебе.

Если он отвечает, зачем еще
помянуть о других и скорбеть.

Развлекаться скороговоркою,
обживая как свет темноту.
по стране, по ее задворкам
бродят пашущие в поту.

Бродят пашущие, обнимая
написавших тяжелый труд.
Нищий бродит, богатый, каюсь,
Бога ради. Идут, идут,

возвращаются в дом, выходят
на дороги свои, на пути.

и такое во всем народе
беспокойство, что не пройти.

Май 2010

Я слышу нелепости. Я говорю
нелепости – будто уже к январю,
весной, ближе к лету, точнее в сентябре
изменится всё, что меняется. Впредь
я верую в это. А мог бы, а мог
поверить в другое, купить эскимо,
разглядывать лица прохожих. Поди
я мог бы поверить, что я не один
решился пожить, не спеша баловать
с подобными мне на подобных словах,
и думать всерьёз, что нестройна, пуста
земля только с виду, и Дух подустал
носиться над бездной, творить и морить
нелепости с вечера и до зари.

Марать, разрывать – беловик, черновик.
Мне жалко прохожих, я так не привык –
так красноречиво. Я многое б смог,
но адский по телу ползёт холодок.

Июль 2010

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

В условиях полного быта
и здоровья. Как тут не жить.
И люди живут шито-крыто,
презренные крылья сложив.

Рвут душу свою и рубаху
и бьют опустевшую грудь.
Отечества приторный запах
не очень-то тянет вздохнуть.

То глянут на небо поспешно,
чуть выпьют и снова нальют.
И косточками черешен
настойчиво в ближних плюют.
Август 2010

А если смотреть, то увидишь немало,
но я не об этом. Я так: не о чём...
По улице шёл дурачок Чопопайло,
смиранный, простой, городской дурачок.

Ни сытый любовник, ни пьяный похабник,
ни скептик, ни циник, ни в церковь подлец,
ни убранный пышно директор, и как бы –
ни – в лес по грибы – многодетный отец.

Ни – вот же ещё - депутат-недотрога,
ни вор по кривой, ни профессор на грех,
ни правозащитник, ни голос народа.
Он сам по себе, сумасшедший за всех.
Август 2010

«Каково поживаешь?» – спрошу не шутя.
И услышу ответ: «Таково поживаю».
Дождь пошёл, перестал и вернулся опять.
«Привыкаешь к дождю?» - повторю: «Привыкаю».
К переменному свету, к обещанной тьме,
к ныне здравствующим и ныне усопшим.
«Я его не застал», - это так обо мне
и, пожалуй, достаточно сказано, в общем.
Сентябрь 2010

Баллада

Прежде – жить, остальное пребудет.
Удивительно точен расчёт.
На земле как на праздничном блюде
пьяный спит, истекая мочой.

Скромно предано тело покою,
а душа разыгралась и в пляс.
Что за радость случилась с душою, -
и звезда на востоке зажглась.

Вечерело. Никто не заметил
ни души, ни звезды, ни другой.
И пронёсся безжизненный ветер,
сильный ветер и всё, - ничего.
Сентябрь 2010

Двое

В рыбацких сапогах до паха,
в рубашке задом наперёд
какой-то человек с размаха
ром из бутылки пьёт и пьёт.

Ему не страшно в непогоде,
и рыбы охают у ног.
Он весь застыл как на свободе –
такой житейский паренёк.

Такой пейзаж – река и дали,
и человечество вдали:
в домах, в работе, на вокзале.
А выше – море, корабли.

А в сторону от рыболова
под возрастающей зарёй,
неудержимо и сурово
Библейский сын идёт домой.
Октябрь 2010

Пожалуй, так, но что с того,
что будет, если, в самом деле,
день завершится, Рождество
меня застанет на постели.

Я не усну, я поднимусь
чуть свет. Возьму постель далече.
Хотя возможно, это грусть
безжалостная, человечья.

Возможно это не со мной
происходящее со мною:
все облака над головой,
ни облачка над головою.
Октябрь 2010

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Я – всяк, торопливо входящий сюда.
За что покупаю, за то и продам.
А сказано – сделано. Не по злобе
лети, мой не пойманный воробей.
Стремглав, словно вымолвленные с утра
стихи. Словно больше не будет преград
непроизносимых. Звучи хорошо
взлетевшее слово, на посошок.
Для всех остающихся. Я же, я всяк,
душа не ко времени, просто, за так
когда-то дареная. Я же сюда
входящий. На встречу мне свет и вода
пролились, чтоб было чем сердце унять,
но сердце отталкивается от меня.
Я знаю, я верю, распяты внутри.
Навстречу гурьбой мотыльки, фонари,
деревья без птиц, недобро от добра,
ругательства в многоголосом «Ура».
Ругательство все, если вместе сложить:
молчащий не мертв, говорящий не жив
(он выговорился из жития).
И под ноги падают буквы «ять»
как звезды, в которых не свет, а вода.
Я тоже загадывал и прогадал.
Не знаю, смолчал или проговорил.
Опять мотыльки и опять фонари,
цветущие жарко от быстрой ходьбы.
Не помню. Нет, помню. Опомниться бы.
Ноябрь 2010

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Утро настанет, и вечер настанет.
Много событий хороших со мной
и происходит, и нет. Я усталый
после событий ныряю домой.

Дом глубоко. Из окна видно звёзды.
Видно как ближние люди, забыв
ближних, и дальних, и ранних и поздних,
шепчут беззвучно губами: «кабы».

И засыпают Иваны и Анны,
свет покидают, возносятся в тьму
к дальним и ближним, до поздних и ранних,
к звёздам, забыв про суму и тюрьму.
Декабрь 2010

Разберу нерадивые вещи,
разложу на полу, осмотрю.
Но припомню: есть повод похлеще,
чтоб запить аккурат к январю.

Вот спрошу: «Чем одаришь, Всевышний? –
закоулки, тычки, горбунки.
Так в хозяйстве твоём и привыкнешь
подниматься с ненужной ноги,

спотыкаться о призрачный камень...».
Вот спрошу, и ответов не счастье.
Поболею с похмелья покамест, -
ожидается Благовест.

Если ж буду здоров без причины
во снегу у kolejных дорог,
значит в прожитом жизнь получилась,
а не сказка «Конёк-горбунок».
Декабрь 2010

Лучше всего, это лучше всего –
видеть живого себя самого
издалека. Или видеть других,
делающих правильные шаги.
Влево и вправо, назад и вперед –
передвигаться умеет народ
в божьей росе или в шелесте крыл.
Кто бы здесь приостановленный был
ноющим зубом, болящей душой,
вечностью? В вечности всем хорошо.
Даже не больно, безлико, поврозь.
Я передвинулся, мне удалось
хлопнуть в ладоши и топнуть ногой,
чтобы не видеть себя самого.
Февраль 2011

Голоса повторялись и смолкли.
Жизнь входила в права и прошла.
Сладкозвучия и кривотолки
одолели меня без числа.

Я подумаю, – думать не сложно, -
о несметном копаясь в душе,
о возвышенном пустопорожнем,
невозможном возможно уже.

Нестерпимом, родном, вековечном...
Думать буду о птицах и псах,
обо всём, что припомню за вечер
и сожгу, словно сор, в небесах.
Март 2011

Люди все такие добрые,
не расскажешь, просто – жуть.
Лучше водочки попробую,
в небо лучше погляжу.

Осмотрю его величие,
вкрадчивость и прямоту.
На земле в таком количестве
нету неба, нету тут.

На земле фонарь и улица,
свет. Зачем мне этот свет,
если он рекомендуется,
а его под небом нет.

Март 2011

Прищурю глаза на пространство,
чтоб твердь из-под ног не летела.
Как ветрено жизни убранство.
Как душеспасительно тело.

И чувствую – нехорошо мне.
И чувствую – радостно видеть
всех страждущих и приглашённых
пожить всякий день без обиды.

Пожить, потолкаться у цели,
у самого синего моря,
вставать с неподъёмной постели,
ложиться, зверя от хвори.

И пусто в пространстве и тесно.
Уныло, не жарко, прохладно.
И ветер прямой и отвесный.
И вглядываюсь... И надо б...

одним дуновением лёгким
развеять и тело, и душу.
Вот ангел в линиялой ветровке:
– Входи, говори, буду слушать.

Май – июль 2011

Себя уже плохо помню.
давно это было – я.
Исчерпывающе наполнен
граненый стакан бытия.

Сказал и поморщился. Выпить.
Без слова, так пьют навсегда.
Не делая лишних открытий,
не жалуя людям вреда.

Налить и поддакнуть Вселенной,
дымящейся за окном: –
«Я здесь, я такой же нетленный,
ни духом не знаем, ни сном».

Не знаем – вечерняя милость.
И нет никого на плече.
И солнце опять закатилось,
опять неизвестно зачем.
Сентябрь 2011

«Что скажешь ты? Что ты молчишь?
Скажи, что скажешь ты».
Забалтываюсь я в ночи
до праздной немоты.

Забалтываюсь, чтоб смотреть
как темнота кипит:
то жизнь опережает смерть,
то смерть опередит.
Октябрь – ноябрь 2011

И повествование – это же всё
о сердцебиении нашем.
О том, что я день по прямой пересёк,
прожил и отправился дальше.

Подальше от прожитого, в побег,
решительный как запятая.
Почти наугад привыкая к тебе,
к себе заодно привыкая.

Так перебирают цепочку минут -
негромкие звенья покоя.
Прислушаюсь вдруг, и меня позовут,
но имя кричат другое.
7 марта 2012

Нет, нет. А если бы. И все же нет.
Я так мечтаю. Это интересно.
Сооружу решительный обед
и голод утолю воскресный.

В послеобеденном движении минут
родится мысль, во след за ней другая:
жить долго, как бессмертные живут
и умереть, как смертный умирает.

Но мысль такая мне не по нутру.
Пускай уйдет, придет еще другая.
Вот и живу со смертными в миру,
от их бессмертья тихо умирая.
Апрель 2012

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Будем верить, что будем жить
как взаправду, а не кажись.
Не без жизни существовать.
Будем верить, что будем знать.
Знать о чем-то, о чем – не знать.
Эта тихая благодать
научила, научит, кажись,
бесконечный покой пережить.
12 июня 2012

Месяц сменяется месяцем.
Рвётся в руках календарь.
Вздор, кутерьма, окоlesiца,
разных людей чехарда.
Разные случаи модные.
Скажем, споткнулся в Раю,
хлоп, и уже в преисподней
слушаешь баю-баю.
Август 2012

Птица мне показала крылья
и улетела, так птицам надо.
И оглядевшись вокруг, не спросил я:
– Есть кроме крыльев другая радость?
Кто бы ответил – соврал нещадно,
проговорился бы, стал бы смертен.
Так я подумал. А впрочем, ладно,
пусть мне сегодня никто не ответит
Август 2012

Клоун играл сам с собою в слова
и проигрался. Шумит голова.
Он отвернулся и выход нашёл,
смело шагнул, но остался ещё.
Клоун споткнулся одною ногой, –
благословенна улыбка его.
Так чертыхнулся, и громко сказал:
– Выпил для Бога и душу отдал,
выпил спиртное один против всех,
смех, да и только, вода в колесе.
Надо же, выпил, каков государь.
Вот и мне улица, вот и фонарь.
Прах отряхну и шагну посему
в самую горизонтальную тьму.
Все спотыкающиеся – точь-в-точь.
Мне не обидно, что мне не помочь.
Некому. – Это всегда наяву.
Так я от радости и живу.
20 ноября 2012

Интересно, чем день завершится.
Все возможно, но будет ли все,
или все – это так, небылица
пересказанная наискосок.

То, что мне померещилось прежде
и почти волновало весь день:
распродажа веселой одежды
с логотипами мертвых людей.

Имена и портреты на ткани
не живущих, чтоб это носить.
Кто-то купит, наденет и станет
трепетать, хохотать, голосить.
25 января 2013

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Насвистывать тот же как прежде мотив
я стану насвистывать эдак.
Ненужное что-то себе затвердив,
о чем-то ненужном проведу.

О чем ровным счетом не знал ничего
и вдруг оказался причастен
к живущим вокруг и конечно кругом,
к случайным свидетелям счастья.
Апрель 2013

Бог – слово вместо точки.
Иначе, так иначе.
Все это брат цветочки –
Гуруны и Апачи.
Слезинки и тортинки,
Соплинки и пеленки –
Все это брат картинки,
Фальшивки и паленки.
А в ком-то зреют тучи,
А в ком-то ходит море.
Но это редкий случай:
Memento – значит – mori.
2013

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

За давностью лет, за ленью
мне нечего рассказать
о том, как сплошную тенью
становится свет в глазах.

О том, как сплошному свету
предшествует этот свет.
Мне что, мне и дела нету,
точнее – мне дела нет.

Замкну свой медвежий угол
в молчании пировать.
А люди спешат друг к другу
навстречу сказать слова.

Сказать и развеселиться,
и петь, нестерпимо петь
о том, что и жизнь простится,
и свет не прервется впредь.

Но кажется, все мы квиты,
нам встретиться не дано,
вселенные жить в обитель –
в божественное «все равно».
Август 2013

Захочешь – как принято, хочешь, и не проживешь.
А надо бы, сам говорю себе часто, что надо.
Вот день, он сегодня действительно очень хорош,
и ангелы вместе, и музыка в воздухе рядом.

Не стану спешить. Я успею, но лучше быстрее
прожить этот день. Знаю – принято жить, даже надо.
И как доказательство – много красивых людей
навстречу мне выйдут, и это окажется радость.

И выйдут поэты, и выйдут сантехники в мир,
раздуют стремительно бойкие медные трубы.
И я вдруг пойму, что сейчас вострубят до-ре-ми,
разгонят всех ангелов, музыки с нами не будет.
Октябрь 2013

Где я живу теперь? – спроси, – отвечу.
Нет, нет не там. Да кто бы ни спросил, –
мне крыть, по правде, в самом деле нечем,
так если б даже из последних сил.
Так если б даже знать мечту чужую
и вырваться из собственной мечты,
прекрасно заблудившись, словно жулик,
принявший веру нищей красоты.
Чем жив? – куда жив ещё, – не стану
перечислять в оплошности смешной.
И верю я и радуюсь обману,
и небо вырастает надо мной.
31 января 2014

Какую мне линию в небе прочертит летящая птица?
Пока я смотрю, и она продолжает полет.
Смотрю на неё, и со мной ничего не случится,
но в птичьём движении многое произойдёт.
Увижу я мир под её неожиданным взглядом,
безудержный свет и его покаянную тьму,
и проговорю: «Так смотреть совершенно не надо».
И стану гордиться, что видимо – быть по сему.
И мне не придётся хитрить, упираяться, перечить,
готовиться к людям и радость людей перенести.
Я сам для себя назначаю желанную встречу,
на птицу смотрю и уверен, что вот она, есть.
Март 2014

Без свидетелей, просто – живу.
Ни сжигаю, ни строю мосты.
От людской суеты к торжеству
обезлюдившей вдруг пустоты.
Но наполненной, трудно сказать
чем, да кажется просто ничем.
В белом небе коза дереза,
на земле серый волк глух и нем.
Тихо клонится небо к земле.
Небо близко, довольно шагнуть,
расстояние преодолеть,
пережить его, перечеркнуть.
Март 2014

Очень важно, а впрочем – не важно
то, чему я действительно рад.
Город, улица, многоэтажно
и везде о любви говорят.

Скажут слово, и ветер уносит...
В парке мальчик стоит у скамьи
возрастающий, простоволосый,
чей-то будущий меч или мир.

Рядом с ним кружат фразы чужие,
словно пыль. И ему невдомек,
как слова эти были и жили,
а сегодня летят из-под ног.
Май 2014

Вино и мед – веселье мертвых,
а для живых – шары и змеи
воздушные. Куда несет их
и кто об этом разумеет?

Уносит, обрывая стебель
из рук живых и на смех мертвым.
Шары и змеи гаснут в небе,
в нем, ненаглядно распростертом.

Созреет мед, вино забродит.
Сойдутся все к столу под вечер.
Живые нравятся природе,
а мертвым похвалиться нечем.
Июнь 2014

Что сделаешь, – осень?
Что сделаешь, что?
Ответ не в вопросе, -
в листе золотой.
И женщина плачет,
хохочет, не спит.
К ней вечностью скачет
жених и звенит
подковой. Обычно,
обычное все:
бутылка «Столичной»
и томик Басё.
Слепые невесты
танцуют метель,
и пьяный забытый –
один в пустоте.
Ноябрь 2015

То ли было, то ли будет,
но закончится незря.
Звезды... нет, на сером блюде
пончики огнем горят.
Вот на пончик муха села,
ворон вторгнулся в окно.
Шумно в мире то и дело,
часто даже не смешно.
Даже часто это вечно
все, живущее без слов:
свет от солнца, смех беспечный,
крики радостных ослов.
Март 2016

Еду за город. Хлеб мой волен.
Я живой с головы до пят.
С обездоленных колоколен
птицы прыгают и летят.
Никакого по сути дела,
так, веселье царит одно.
Переставлю в пространстве тело
и вернусь, досмотрю кино.
Позавидую и забуду,
что завидовал этим днем.
И забудут меня повсюду
в птичьей парке, где водоем.
Июль 2016

Время сам себе замечаю,
и никто мне об этом не скажет:
– Выпьешь чаю?
– Пожалуй, чаю,
до рассвета, до утренней стражи.
Сон незванный взлетит, между прочим,
чтобы гости гостить не посмели.
Чтобы день наступал против ночи,
против сумеречного веселья.
Буду жить и мириться с посудой.
Так из дома нельзя выйти дважды.
Выходить и идти ниоткуда.
Чтобы в дом не вернуться однажды.
Февраль 2016

Улыбнусь, как в небо кану.
Улыбаться – это просто.
И друзья не по карману,
и печали не по росту.
Затихают к ночи звуки,
крики тоже затихают.
Хорошо с людьми в разлуке
говорить – с людьми – стихами.
Как в нетронутую бездну,
как с рисунками на стенах.
Даже если бесполезность
перспективна в переменах.
Даже если небо грозно,
ни одна звезда не дышит.
Улыбнусь пока не поздно
прямо в небо или выше.
Май 2016

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

В небе метель и метель на земле.
Мертвую водку мне в стопку налей.
Той, неподвижной и праздничной той.
Выпью с тобою, ты выпей со мной.
Ты просто так, да и я просто так.
Снег то подступит, то схлынет во мрак.
Я присмотрюсь и во мраке найду
светлую точку – большую звезду.
Декабрь 2016

И биение сердца,
и битье по щекам.
Все – желание согреться
и любовь к облакам.
Распекать и судачить,
порицать, вопрошать,
спотыкаться о сдачу
с одного беляша.
И не видеть, что выход
это тоже исход.
Неожиданно тихо
начинается год.
Январь 2017

Обещанного не желаю.
Смотрю на радостях в ответ
и, кажется, я точно знаю,
что никаких вопросов нет.
Смотрю, а радость есть ли, нет ли,
но день прозрачен как слеза,
и чопорно, в бубновом ветре
летит навстречу стрекоза.
Июльский полдень – час расплаты
за многословие зимы.
И мальчик с сахарною ватой
поверил в Иерусалим.
Июнь 2017

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Замыслил будущие сны
и отказался их увидеть.
Мне кажется, опять хмельны
поспешный Гамлет и Овидий.
Мне кажется, толпа гуляк
под окнами, и много тени.
И как-то наперекосяк
в истории людских свершений
или движений. Я не прочь
уснуть на время, встать под утро
и смело выглядеть точь-в-точь,
как был вчера. Так по минутам
расписан легкий звездопад
на небосклоне утром ранним.
А Гамлет и Овидий спят,
не претендуя на изгнанье.
Август 2017

Почти что в разнбой,
возможно, кабы как –
наедине с собой –
полнейший кавардак.
Ни эдак, не с руки,
не за морем покой.
А стадо у реки
справляет водопой,
живет себе вполне.
Речь вовсе не о том:
я растерялся, мне
понятно решето.
Сентябрь 2017

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Мне размышлять? – спрошу – зачем?–
и на ходу пойму, что – стоит.
Но в наводнении речей
помалкиваю непристойно.
Отправлюсь вечером домой
и чай отверженный запарю.
Заговорят тогда со мной
чужие судьбы как литавры.
И день воскреснет в мелочах.
Слетятся мотыльки из тени
и в тень вернуться, замолчав,
чтоб стать творением нетленным.
Сентябрь 2017

Вчера узнал, что я не помню.
Вдобавок, многое забыл
значительное. Но легко мне
без поэтических ветрил.

Я ненарадуюсь на это
и накрываю круглый стол,
и гости нынешнего света
садутся, глядя на восток.

Речиста крепкая ватага –
ночная графика дождя.
Мне их присутствие не в тягость.
Они шумят и ждут меня.
Октябрь 2017

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

И тот, кто охоч до слогов,
но в точку свернул запятую.
До дальних – скажу – берегов,
сам верю и сам протестую.

Скажу, и потеряна мысль,
а чудилось, мир обнимаю,
но мимо огни пронеслись,
прошли пассажиры к трамваю.

Покой не земной и земной,
обещанный и неизбежны.
И сердце играет со мной,
то чаще играет, то реже.
Декабрь 2017

*Моей маме
Ольге Николаевне*

Исчезает всё то, что не вижу,
что разглядывать так и не стал.
И стоит неустойчивый крыжик
На бумажном просторе листа.

Тучи ходят, собаки завyli,
мальчик девочке шепчет стишок,
люди в свадебном автомобиле
хором плачут, им так хорошо.

Нескончаемые надежды
окружают небесный Престол,
но возможность, что будет как прежде,
исчезает под Рождество.
Декабрь 2017

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НАПИСАННЫЕ
до 2000 года**

Подсолнухи

1

Сегодня мы пойдем смотреть цветы.
Они подсолнухи.
В своем отличном звании рисунка
особенно боятся темноты
от солнца. Все бы им прогулка.

Игра-беглянка, поле до краев
усеянное прятками растений.
И деревянные кусты,
закинув добрые пучки голов,
неровно дышат
в подслеповатом воздухе осеннем.

Доверимся рисунку. Что твоя
Действительность, –
всё выглядит иначе,
смотри:
подсолнухи стоят,
ломти, отрезанные для подачек.

Сегодня выглядят большими, как всегда.
Не комнатные домики – пастушьи
потемки-сумки, яркие стада
ручных копилков,
бегущие на водопой от всякой суши.

II

Ты говорила: зимний домовик,
смотреть на спящие цветы устанешь.
Охотно верю.
Придумай заголовок, и цветы останутся.
Иначе словом "Здравствуй".
Мы будем отличаться по весне
от хорового пения. Настанет
пора чаевничать в один из полных дней,
карабкаться на гору, гнезда видеть
и громко называть любого встречного –
мой житель.

Хороший плотник выйдет из дверей
глубоких. И даже каменщик
не выстроит обиду.

Он словно дождь из тысячи фигурок,
упавших в море.

А главное, что жажды нет на свете.
Есть колыбельные часы рассвета
в окрестной силе.

И, точно заучив урок в урезанных словах,
я смешиваю наполовину ветер,
предметы памяти и постоянство стиля.

И тот, кто воду делит пополам,
по случаю забавного рассказа
нас отыскал среди гончарных дел.
Привел огонь хозяйничать. Я сам
тебя ревную к двум последним фразам:
он выдумал историю на карте,
он верил чудесам,
когда поют.

III

Мы влюблены,
и нам цветы обещаны на память.
В которой жизни проведем слова,
доныне сказанные между нами.

Вот взялся ветер баловать. Длинные
флажковые костры по косогору.
Я не ревную. Заново притих
напротив будущей весны.

Смотри, Касьян – не пропусти
худого дела напоследок.
Тебе виднее узнавать стихи
в руках задумчивых соседок,
минуя автора. Взаправду пацаны
обещанные семечки воруют.
Они подсолнухи соленые.
Забавно мне:
один рассказчик на своей охоте
наварит много хны
и сорную траву в огне изводит
на полуночников веселых. В тот же час
деревья выглядят большими,
как буквы азбуки, и мысли про запас,
и комплименты.
Нешуточные молчуны – деревья.

IV

С подсолнухами хлопотно. С тех пор
взаправду солнце учинили
и выдумали время:
догуливать цветы и щелкать разговор
из темноты гороховой, навывлет.

Или явиться где-нибудь в гостях,
в сезонном договоре, раньше срока,
с тяжелыми цветами на руках,
глядеть, до афоризма, соколом.

Я скоро подожду, пока не опустел рассвет,
и сорванцы-мальчишки сдуют пламя
с насиженных для жизни мест,
для чет на нечет, –
сбегая с улицы и хоронясь дворами.

Ватага цифр, веселье на часах,
домашние убытки в стрелках...
Такая вот честная, ах,
нечестная по лирике отметка.

Стучат не вовремя, заходят второпях
три первых часа;
с полуночи до перекрестка

V

Мы влюблены, и солнечного пуха
достаточно сгорело, чтоб венчать.
От любопытства голенастые горохи
тугие головы выносят на плечах
на все четыре стороны от смерти, –
здороваться. Горластые цветы
нас окликали около земли.

В который день обручены:
дожди пошли и время завели
1996

Эпизоды
(1998 – 1999)

Поминутно прощаясь,
посылаю слова
в обратную сторону от перевода.
Потому что легко оступиться с ума,
если глаз не смыкая смотреть на воду,
протекающую сквозь пальцы, сквозь
буквы, отдельно стоящие, будто
каждая – абсолютный вопрос,
уменьшенный до минуты.

Врастая в самое что ни на есть жильё,
по грудь,
по мелкий бой от колокольни
рождественской, каленой. Ни рукой
махнуть, ни расколоть кристалла соли.

Мне что-нибудь из будущего. Мне
оставленное на потом. В помине
не существующее имя. И во сне
кто имя то узнает, тот отнимет.

Единственно затем, чтобы уйти,
не выдумав другого чая.
И кроме шуток бросить конфетти
в порыве ветра, на пороге.

Поминутно прощаясь,
посылаю слова
тому, кто их выдумал –
на счастье.
Сладковатые, словно письмо на бобах,
но точка в конце слаще.
Слаще черной халвы
и простой нелюбви
по-семейному. Слаще крика
убиенного вкось и вкривь,
как придуманная улыбка.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Во сне соленом утопив слезу,
играют в кегли комнатные дети,
как будто видят наяву, –
проснуться позабыв на этом свете.
Как будто наизусть у них дела.
Цветная радость с бантиком неловким.
Не то японочка, не то игла,
пронзившая букашку в мухоловке.

Зима сплошная – родина калек,
играющих в молчанку против сердца.
Так хочется забыть про снег,
дождаться ветер,
вдоволь нареветься.

Крутить-вертеть бумажное лицо,
пока все капли не задует.
Подставить щеку, прежде чем висок, –
для поцелуя.

Гадаю, подпалив январь.
И тень от корня "зи" выкручивает руны.
Но выцветает календарь
от слишком частых полнолуний.

Зияют прошлые места,
поступки, виды издалёка.
И крупная, как счастье, красота,
пришедшая на память ненароком.

Отвесный памятник,
отвесные часы.
Все сроки за' полночь. И мысли о вчерашнем
утратили реальность, превзошли
себя и стали краше.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Бросая тень, не выйти из обновки,
не раскурить хранительный инстинкт
ленишься от любой головоломки,
на все вопросы лампу засветив.

Посторонюсь: какое ваше дело? –
мои подарки, гости не мои, –
рисованные на бумаге мелом...
подобие игрушечной войны.

.....

.....

когда не принимает маску
опустошённое лицо.

Белогрудая птица летит наудачу
к югу, немного западнее.
Солнце заходит как-то иначе
много ли дней?

Не замечая, что кончились будни,
словно сорвавшись от боли великой,
птица летит, окрыляя безлюдье,
не опускаясь даже до крика.

...В перистых кущах, крыло запрокинув,
где был, где небылица.
И невозможно небо покинуть,
посторониться.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Сделай вид, бесконечный прозаик,
распишись на бумаге резьбой –
убиенным поэтам на зависть,
на потеху воды слюдяной.

Я к тебе прокопаю ступени,
уработаюсь в поте лица.
Опадет в пух и прах оперенье
после сказанного словца.

Желтым воском, полуденным зноем
заболею, теплом изойду.
Сделай вид, что водой слюдяною
можно здравствовать на виду.

Красна бессонница и память не у дел:
предел желания – пораньше отлучиться,
Как если бы я выкрикнуть посмел,
при ярком свете опознав сновидца.

От долгих снов становится темно.
Я торопился раньше срока.
Единственно затем, чтоб выйти вон
и засветло добраться до Востока.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Словно жалобы, словно жлобы
кругосветные, курам на смех,
поспешили с утра отбыть
по касательной восвояси.

Всех на память не перечесть
ни попарно, ни переменю.
Их отсутствие тоже весть,
с неба посланная, наверно, –

как попытка не умереть,
не читать поминальных писем.
Одного названия впредь
мне довольно сюжет домыслить.

И вода померещится зря,
и отхлынет огонь вечерний.
Ровно час из времени взят
и пропущен живьем сквозь нервы.

Влюблённые несут свои цветы
и ссорятся. Любой из них отличник.
По замыслу вселенской правоты,
по поводу и просто по привычке
дарить цветы и время коротать,
и прятаться от времени беспечно.
То в будущее, если что не так,
то в прошлое, в нездешнее, навечно.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Вместо рождения – даты.
И вместо жительства –
мысли, загнанные в координаты
временного родства.

В местность, стало быть, – в обморок долгий,
в отсутствие, в пустой ночник.
Свет, как расхожая недомолвка,
попавшая на язык.

В ветреный полдень: сегодня хмуро.
Быстрое небо дразня, –
в небо и тотчас обратно
сдуру, боясь огня.

Будто бы с холода. Думаю, с холода
можно просить
вместо жительства новые провода, –
стало быть.

Никого кроме публики, кто же ее разберет,
если жизнь продолжается дольше своей перспективы,
изменив основные приметы и ночь напролет
превращаясь из пламени в звук, из желания – в ливень.

Круглосуточный ливень, смертельному блюду под
стать,
заполняющий землю до самого края,
до возможности сдаться на милость самим мудрецам,
недоступным при жизни, но смертью своей потока.

В ожидании чуда, способного время унять,
упредить раньше срока любую минутную резвость.
Или скрыться в желание, в звук, где при виде огня
так доверчиво сходят с ума, так поют бесполезно.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Все сбережения, все сроки продлены
до повторений, до повтора. Ныне
пропажа жизни выглядит вполне
осознанным желанием родни,
когда я буду легок на помине
в любой непредсказуемой стране.
В любом вопросе в роли позитива,
пробела времени взамен
злодеев мудрых, мудрых и красивых,
попавших в Книгу Перемен.
Во всех подробностях, в открытках, в письмах,
в беседах против имени с собой
единственным, пока портняжки-числа
одежды шьют наперебой.

Путешественник, запирающий двери,
о себе не скажет: отечество в мыслях
ошеломительно...
Иероглиф прострелян
именно в том месте, где должны быть письма,
где сходятся страны вне себя от света,
оставляя бумажный почерк.
Путешественник комментирует жизнь на чужбине
и засыпает от времени.
Ибо после произнесенной речи
наступает пауза, прочерк, тире, антракт, безумие.
И сам престарелый служитель Господа
починяет иероглиф, населяет иероглиф заново.
Ибо после речи
уходящее из дому прошлое
становится и без времени лучезарно.

Я желаю немного побыть
в непосредственной близости к дому.
Покумекать, оскому набить,
разминуться с гостями. Не помнить
о себе, может, день, может, дни, –
продолжение собственной тени.
Проигравшись в ворота одни
наудачу под настроенье.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

На ходулях ходят облака,
судный день накрапывает трижды.
И портные шьют наверняка
на себя похожие одежды.
В этом деле я им помогу
и, примерив сшитые обновки,
убегу и спрятаться смогу –
перебежчик, пересмешник ловкий.

Дмитрию Ханаеву

... что собственные мысли о себе –
отечество в газетном варианте.
От невозможности убить и оробеть,
бессмысленно играю в фанты.
Проворней времени и воровства взамен...
Как будто жизнь, упрятанная наспех:
крыло от ворона –
платок кавказский.

Солнышко, солнышко,
приди, приди.
Солнышко, солнышко,
меня заberi.

Не оробею,
рано проснусь.
Черным по белому
опохмелюсь.

Небо проносится
мимо земли.
Солнышко, солнышко,
меня заberi.

И облака

Виктору Бондареву

И

Охота за воздушным змеем,
холодным змеем, змеем света
идет на убыль: нить слабее,
связующая змея с небом.

И разбежались ктокудышки,
забрызгав икры желтой краской,
забросив змея в небо, слишком
высокое для догоняшек.

На фоне дня он стал невидим,
он повторил размеры неба,
легко минуя все обиды,
которые любил отвеждать.

От праздной кухни разговора,
до слова, сказанного смело,
чем выше он, тем иллюзорней
становятся рисунки мелом.

Пугливые сюжеты комнат
и облака других названий.
Какую пьесу здесь исполняют,
топча осколки фортепьяно.

Стыдливо потирая руки:
мол, далеко до преферанса...
Смотреть чужие сны в разлуке,
копить в копилке из фаянса.

Одна минута крупным планом:
все та же нить на шее хрупкой
содержит путаницу данных
прижитого на стороне поступка.

И сколь отпущено белья
для молодящегося ветра,
для галочки в графе «семья»,
для места в лодке в стиле ретро
и путешествие в три дня
длиной не больше полуметра.

П

Я словно вещи потерял.
Я с ними был в родстве
подветренном. Привычка не из легких.
Остался перочинный инвентарь
и обезглавленные монологи
о том, что истинные шеи не в цене,
когда на выходки выходят дуэлянты,
еще не помолвившиеся в цель.

Действительная радость обо всем
не отвечать и погибать в улыбке.
В чем был, в одном лице до новых «кое».
Рассматривая контуры вина
на жительство
и Родины открытки.

Места свиданий задом наперед,
удачный текст – худая повестушка.
В ней сказано..., а люди говорят:
торговицы открывают дело,
продав непотопляемых котят
в последний путь.
И солнце село.

Ночь остывает налегке,
согласно выпавшим осадкам.
Я окликаю, я играю в прятки,
прозрачные на свет.
Но свет не точен, в руки не дается.
Он разлетается в бумажные клочки.
Он ищет землю. Ни вторым, ни третьим, –
за обещанье первым получить
свое свидетельство о смерти.

И облака... Земля напротив,
каких-то несколько минут.
– Вы здесь случайно не живете?
– Я здесь случайно, я не знал,
что здесь живут.

III

Я продолжаю ждать стрекоз,
просеянных сквозь облака,
сквозь сито, шитое всерьез
и выставленное напоказ.

Сперва похожее на сон,
на пелену сплошной зари,
на рукопашный воздух, на
супружество, но изнутри.

Как мысли о большой зиме,
о насморке без рукавиц,
о том, что сбудется взамен
чуть окрылившихся синиц.

Взамен обещанного сна
невыносимый шепот свеч,
когда и пламя не унять,
и темноты не пережечь.

Не отвернуться, с глаз долой,
от облаков, растущих вниз,
от вросших в землю с головой
чуть окрылившихся синиц.
1998

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

ДВЕНАДЦАТЬ ЭЛЕГИЙ

(1995 - 1996)

ИЮЛЬ

В непогоду удобнее встреч состоять в переписке. За
что
из других языков ни возьмешься,
легко превратится в лекарство:
книга с дарственной надписью уголком
«претендую на память» –
прчешься от нее и находишь из детства раскраску.

Оттого ближе к вечеру лучше писать на восток
и наивно выспрашивать:
приготовить ли пудинг на завтрак?

Рукописные гости не могут сменить адресат, климат,
вытирать о бумагу ладони.
Для игры в добровольца необходим супостат,
понятые верующие в «ку-ку», пароль
и немного домашней злости.

Самый тщательный почерк не даст результат,
или проще – «ответ». В мелочах
я один для него представитель.
Выражение, до перемены лица,
при такой постановке событий,
хорошо б узаконить.

Отсылаю письмо восвояси. Хотя переезд
в те края без вещей невозможен, минуя пожара.
Близкие люди, гвардейцы насиженных мест,
не торопятся полюбить. –
Это к счастью, значит они не совсем еще стары.

Вспоминая последние строки, хочется остановить
мысли на осмотре числа и поклона.

АВГУСТ

Получив известие, заново пережил
всю батальную живопись, впервые меня почерк.
Неподкупность измены,
кражу чужих крестин,
преферанс на внимание – приманка, скажем, транжир,
именинников ревности – и в красном углу, и прочих
знаков луковой веры, картин жития,
переставленной мебели: по погоде.

Сочетая число с числом вертикально,
знаешь наверняка:
результат не покинет пределов дома.

С ним никто не играл – сразу видно по слову
«привет»,
по манере зажмуривать буквы в конце строки.
Опасаясь повторного чтения, правило исключает след
толкований, кроме прямых, за которые будешь
спокоен,
будет время копить
обязанности в пользу закона.

Но бывает платок с узелком, вместо имени,
ближе владельцу, чем искусство одеться,
клятва дружить накануне отъезда.

И любой перебежчик с той стороны,
с того берега, где приговор для него остается в силе,
будет требовать не любовь – нет, –
а попытку вернуться
даже в самый кромешный ливень.

Разницу возраста и языка
за ненужностью спишут.

СЕНТЯБРЬ

Скорее комната, чем время,
равно твердит о покушении вещей,
возможно самой важной из привычек.

Но кто нуждался в сне, в его подробностях
и сразу оказался в присутствии условий новых дней,
на выручку которых взят с поличным,
для смены возраста. Бросая ремесло
как образец дознания письма,
что может быть датировано ночью.

Слова, упрятанные в шутках, проживут
значительно быстрее, чем услуги
путеводителя по ругани домашней.
Останутся заметки на полях для тех, кто входит.

—Делай же скорей свое свидетельство,
виновных поощряя к несложной прописи:
зима плюс лето в нескольких местах.

От недостатков плена слабый звук,
разломанный на мелкие уступки
движения к тебе. И был таков,
подобно путешествию, в котором
выкрикивать названья городов
не принято. Так выглядит хождение на прозу
в количестве устойчивых сторон,
в чудачестве, в бумажной перекличке
для опоздавших писем.
Совместной жизни, кажется, закон
оплачивать потешные огни
и ни в какую не менять привычки
до наступленья марта.
У влюбленных,
по всем приметам, рыжие глаза.

ОКТЯБРЬ

Настреляю листвы на всю зиму
и к ней прикасаться...
К непутевой, от ветра оторванной третьего дня,
безымянного месяца, прожитого наполовину.
Мимо зоркого смысла прогноза,
скрывая приход октября
на ближайшие сутки.

Непонятное подданство в желтой почтовой бумаге
о малейшем наследстве,
о службе по поводу, но вопреки
содержанию текста гласящего об отваге.
В окружении комнаты
трогать покинутый на ночь порядок.

Снова осень растет,
и вполне очевидное дело:
вот большая ровесница ищет ответ для меня.
Это право на прошлое молча смотреть
в неприкрытое зеркало.

НОЯБРЬ

Он ходил со своей осторожной улыбкой,
под диктовку рисунков
на контурной карте письма,
где так хочется ставить
остроносые стрелочки разным народам
для отправленной почты, для войны,
расселения или прогулки за
три фиолетовых моря
к нагим истуканам.
Переписывать их наизнанку, сверяя часы
и лукавые трещины.
Чиркая спичкой по надписи:
«Был здесь» в одном из предметов,
что приносят нам в детстве.

Письма так же, как люди, имеют поступки;
убывая по буквам, двойняшками из
расписания прожитых со – или вместе,
претендуя на форму цитат.

И становится тихо на службе,
и можно прожить немного подольше,
чем было позволено вчера.

Если будешь дописывать до конца,
то, пожалуйста, не зачеркивай,
это ненужный смысл.

ДЕКАБРЬ

Из числа приглашенных
мой адрес вместил заголовки
календарных листов,
потерявших свой месяц
и всю повседневную речь.
Почтальон обещал их составить
в чудной разговорник.
И легко разминуться у фразы:
«Мы видимся, чтобы беречь
расстояния крохотных сквозняков».

Соблюдая порядок, я выйду к нему на подписку.
И сегодня, чуть западнее от февраля,
заболтаться несложно
фрагментами личных событий,
в коих нет недостатка,
когда говорят по ролям,
огибая свою родословную.
В этом и возраст, и отборная клятва
по случаю встречи о том,
что зима продолжается редко.
Зимы посетитель
ходит утром на почту
и теплое пьет молоко.

ЯНВАРЬ

Присутствие холода, в разное время суток,
сводится к запятым из ненужных предметов,
уточняя свои причины,
или к шуткам,
на которых говорят «Едоки...»

В дом войти удастся без спросу,
отсидеться на средства покоя
до размеров подлинной обороны.
Чтобы голос не мог оставаться вопросом,
словно ворованный,
загубев от постоянного света.

Пространство более четырех лет –
это все враки, погодные сплетни.
Можно только приветствовать
имущество внешнего вида.

Для ходячего часа не существует примет.
Если брать регулярные сводки местности
около устья реки,
там не встречается слово «обида».

От рожденья и далее спешу сообщить:
«Все идет на поправку, невозмутимо».
Остальное крайности... Сохну по адресам,
гоня пешеходные кораблики мимо
живущих вместе, как закадычные сироты.

ФЕВРАЛЬ

И птица за птицею плавно садится, будто и не было.
Стало невидимо в целом свете.
Измучилась мельница на белой воде и на желтом хлебе.

Ей бы помощника за троих,
но нет на примете.

И не имеет смысла в будущем,
есть ли в воздухе том страна.

Ближе, чем выкормить птиц и намного проще
позабывать свой язык.

Но и сегодня – живьем, остается, не выспаться.
Рано проснулся и не привык еще к снам.

МАРТ

Желание имени кратко
вначале. Мне удастся отнекаться от предложений
собирать домашней инвентарь
для ближайших селений.

И, задолго до встречи,
хоть что-нибудь знать по порядку
из названий прерванных отношений,
где слово "Родина" занимает место.

Отмечая вопрос всюду принятым знаком,
я охотно пишу без запинки: "Терпение снега
сегодня путеводитель", и мне открывать
домашние кладовые, все закоулки,
куда уводили поплакать в настенную известь,
особенно крупную. В подробные тени,
последние в этом году советы зимы на
участие в сборе семейном,
на каждую оттепель детской игры в лапту,
на спешные новости с целью обмана.

У самого сердца, как будто живут
личные вдовы,
и цель их достигнута.

Какие же признаки у теплоты?
Я прячу ключи в виде жизни:
от лишних цитат и до самого лета.
Я знаю: последними вянут цветы,
нескромные, как запятые здешних писем.

Мне бы читать
и с ними отсутствовать, по закону.
Или просто упасть на колени,
не дождавшись ответа.

Движение в комнате прятать не нужно,
она проходима и выглядит не опасно
в минуты отдыха.

Теперь у весны календарь,
и другие деревья: совсем сбились в кучу.
Окликнуть кого за подарками. Кроме услуг,
они ожидают свои имена,
с надеждой на лучшие мысли по правилу
заглавной буквы.

Со всеми домашними
можно смотреться в окно,
убрать занавеску
в котором часу так хотелось,
приблизиться к свету.
Хотя бы на время.

У близких людей
особенно развиты виды занятий.
И я составляю настольные дни
во всем полнокровных родичей.

Не многие долго вдовели и прятали книги.
К ним входит старьевщик.
Он знает письменность спорных вещей,
доходящую в жизни своей до улыбок,
особенно пристальных,
которыми бредил в детстве.

АПРЕЛЬ

На частом языке гостей,
перед едой, в досрочной книге
обычно прячут клады.
И в разных копиях уносят по домам
остатки знаков препинания.

Труднее к ним равняться. И всегда
найдутся веские причины
для слежки за самим собой,
по очереди перебрав гостинцы "от имени".
И календарь исправить к лучшему:
во всем предпочитая
гласные размеры – согласным.

Внимательно разглядывая лето,
сначала издали, покуда снег негрузный,
он верно пишет «Календарь»,
не допускающий ответа.
О подлиннике моего жилья.
Одна грамматика, переходя союзы,
скрепляет предложения в местах,
похожих на густые словари
застигнутые минутной прозой.

Являясь чем-то вроде двойника,
уже со стороны, а значит в силе,
каракули легко пойдут с листа,
изображая руки адресата
окрестно.

Во внешности на мне его слова
любого возраста, когда не по сезону
уединяться в повторении и слать
положенные марки почтальону.

Морозный узник. Кажется, он спит.
Упрятан крепко в талые морщины
на время чтения о важном.

Я переписывал его,
пересыпал сухие письма
за пазуху, как бы огонь,
отловленный по норам лисьим.

Из расстояния двух слов
скопились вещи в виде результата,
и рядом не жилец, а зритель,
погоду завтрашнюю в небе отыскал.

– Солоха на дворе идет,
по пальцам опадают перстни,
ключи от крестиков нательных
и крошки полевых цветов.

МАЙ

Неприменно увидимся,
если смотреть на часах
устранение срока в названии территорий.
Изменяя по крови, на нет и сводя адреса
к минимальным потребностям
в области прописи отношений.

Но я создал отечество, значит я буду молчать.
Как свидетель страны,
не дождусь окончания возраста.
Даже комнатный случай рассказа о псах,
уточенных в добыче,
переходит в желание встретиться
за несколько лет до поворота событий. Когда
вещи наступят во всех разговорных местах,
полные шума и опытни к бою.

Нанося равномерные буквы на карту
и малость привстав – это горы,
способные затвердить алфавит,
это люди, прожившие долгое время рядом.

Среди правил обычно ли побеждать
фолианты, набранные вручную.
На случай прихода гостей истратить ключи,
подойти вплотную и не отбрасывать цели.

Мне остаться и думать о том
Что написано в книге: «Глаза были удержаны».

Дома кто-то начитан при лампе,
а мог бы служить нарасхват
или лечь на поруки в любой катастрофе.
Облака, пережившие сон, посещают людей
задолго до пробужденья.

Глупая шутка, в ней доля моя
на чужбину смеха.

ИЮНЬ

Бабушке Софье Михайловне

Если наутро произнесут
одними буквами завтрашнее число, –
от великих запретов останется труд
ежедневных ремесленников,
повторяющих свое ремесло,

математику в прозе, горшки для подвижной золы,
для густых словарей. –
Объявляя движение между двумя крепостями
моего дома.

При дороге все рады гостей накормить,
и знакомые случаи всадников ехали рядом,
подальше от края зари.

Лишь под вечер, устав говорить,
вороватые краски заката
скомандовали – промах.

ОСЕННИЙ СЕМЕСТР (1997)

Полдень. Время дневное. В небе,
опершись на врата тугие,
громко плачут городовые.
Словно жить продолжают в небе.

Как поклонники медленных чтений,
пережившие все каламбуры,
плачут громко, глядят понуро
на свои неподвижные тени.

Небо ясно, сквозь небо видно:
на земле люди бьют наотмашь.
Бог им в помощь, а значит помощь
будет скорой, но не обидной.

Прилетят лебединые птицы,
лебединые птицы навывлет
бьют. Не больно. В заснеженных крыльях
скрыто много живой водицы.

Много слов одиноких, много
на земле ступеней. Нелепо,
– «Дайте лестницу», – крикнул Гоголь
и поднялся высоко в небо.

В почетном здравии маляр примерил зря,
на выход, изнурительное платье.
К нему, зареванные, бросятся в объятия
причудливые сроки сентября.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Я видел: он купил себе вчера
географическую карту впрок навыврост.
На ней земля. Теперь любая сырость
его не в силах будет покарать.

Он трудится, известно, у стены,
пытаясь скрасить комнатные тени,
привлечь трудиться щучее хотенье,
все виды солнца с чувством новизны.

Аттракционы окнами на юг.
Там листья не останутся без спросу.
Роняют сквозняки свои вопросы
по праву знать осиновый испуг.

И спорится обычное житье:
погонщики осенних каруселей
стригут чубы, готовят новоселье
в традициях живых и мертвых слез.

Заученные мною наизусть
встречающиеся постояльцы.
Я руку жму, я стискиваю пальцы.
Я нынче перед ними научусь

безвыходно доманить, словно врать,
что, дескать, вот, остановились листья,
как будто ждут, когда им ветер свистнет
свое непоправимое «ура».

И выбрав день, шагаю на цветник,
слагая запахи о красном.
Букеты режет в школу выпускник.
Ему садовник снится не напрасно.

Вот он идет, садовник наш, родня
по окнам прячется, считая это слишком.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Что до меня, то мне ли не понять
садовника и школьного парнишку.

Их так заботит внешность цветника,
его жилая площадь, на букеты
делимая. И слово свысока
меня клеймит сообщником отпетым

диковинной игры в ручной футбол
на первенство двора, за право выйти
в любую сторону. И реплика, что, мол,
живу себе и нет других событий, –

окончит разговоры. Спору нет.
В себе собрав и примирив наречья
с церковным отчеством, на уцелевший свет
нагрянут краски, публике переча.

Казалось, можно красить добела.
Но прежде церкви, звон опережая,
хватая воздух, бьют колокола,
как будто бы падение их держит.

Я живу где-то между печной золой
и озером. Земляной водой
умываю лицо и гляжусь в огонь:
не осталось ли от воды следов.

До утра подбадриваю дрова,
разнимаю любимые дважды два.
Окончание спора укажет срок,
чтоб успеть задуматься на восток.

В этом возрасте тени в длину длинны.
Крутят фиги заплечные колдуны.
Поживиться беседою, но в таких
разговорах слова, что твои хлопки.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

По местам. Из домашних, из двух голов,
отраженье снаружи зальет стекло.
Полупраздник: увидеть себя с другой
стороны окна и позвать домой.

Избегая приличий. На том родстве...
Это прошлое всегда в большинстве
или в прозе, помешанной на словах,
бестолковых таких: резеда, вертопрах.

Прогноз на завтра: горизонта нет,
сплошное поле, без отрыва.
Жизнь остается, падает валет –
угадывая масть. Неторопливо

От времени, роняя время, ждешь
известий на кругу, в родных пределах.
И сложно говорить, и не хорош
свет утренний для личных посиделок.

Любой предмет, произнесенный вслух,
прямое попадание в пространство
боязни ради... Но одно из двух:
коснуться цели, как-нибудь назваться.

Что нынче в моде. Местный колорит
с оттенком доброты, на грани зимней,
беспечной спячки. Сохраняю вид,
свою же копию в разгаре гимна.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Соломенная осень не у дел, не ко двору,
как дарственная на свои же вещи,
совсем отбившиеся от рук.
Успею ли собраться из гостей. Предлог один:
не выдать с головою, что завтра
исполнение сезона. Способность к дому впереди.
Забуть бы прочно, что во многом жив наверняка,
и превратился в ситуацию, в которой
особенно смешна частица "ка".
Из антологии речей скороговорка, что есть силы
не толковать о небесах
в местах, отмеченных курсивом.
Без слов и без оглядки на потом.
Знакомый трюк: художник пережил картин
чернявый хрупкий пепел.
На скомканные краски и на осколки сургуча
найдется строгая управа слепить ответ из половин.
Попробую смотреть со стороны. Этюд простой:
Возможно, мысли лишены достатка.
И зеркало скользит из рук,
пытаясь сохранить покой.
Возможно, он старик на свете. Спешит обратно
всем раздать слова. Скрываясь на одной воде...
Про то наговорили дети.
Сбежали с улицы, рисуют новый день,
на толстом ватмане выкалывая пятна.

Все открыто. Какую печать стерегу,
потакаю труду многоточий,
размолоть ножевое в немое «агу»,
в захолустье сорочье.

Там и там единицы, местами нули,
много музыки, вещи друг друга
произвольные, как бобыли,
и обильное небо по кругу.

Утонувшее навзничь, нельзя и задеть,
усомниться и выбросить камень.
Отражение вздрогнет, прижмется к воде
и закроется, словно руками.

Поскорее собраться и краски пролить,
ради шутки, в стопу соляную
истукана, чей профиль – огонь до земли.
Но на небе ни облачка не нарисую.

Чтобы выдался день.

В места отдаленных приличий
ни за полночь, ни ногой.
Хождение мне ограничено
одною родной головой.

Банальное: к югу, к югу.
По-птичьи точить крыло
и складывать крылья в угол,
как некое ремесло.

Согреться, хотя бы условно,
не нарушая режим.
Такая зима – любого
способная пережить.

Переписать вчистую,
убрав со стола черновик.
Я больше не протестую
находчивости улик.

В живых оставлять страницы –
провинциальный страх,
когда поцелуй – как птица,
застигнутая в небесах.

Когда, потеряв отвагу,
оставшись один, без ключей,
вонзит карандаш в бумагу
лишенный ума казначей.

Пока еще люди уходят
туда, где находятся лодки,
река сохранит неподвижные воды
у западного побережья.
Хорошее дело – дожить на восходе
оставшиеся от прежней
жизни дни, особенно ночи.
Они в том краю неподвижны.
Здесь люди не знают о почте,
и в море выходят трижды.
Смотреть на высокое небо,
когда даже берег не видно.
И волны считают,
но редкие гребни
Индию напоминают.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В многоликих изводах они достигали воды,
бесприданных огней, неминуемых дней перелета.
Простосильные странники клики тягали, не зная беды,
голыши ворковали и резали шали осота.

Где, усеяны ветром, сухие взошли берега,
они бродят на всю свою жизнь, –
таковы наговоры.
Словно всадника осень, душистая пляска слагать
в околотке небесном зверистые норы.
Всадника конь, и не мыслимы стороны.

Но прослышали люди, что где-то случилась река.
Не по росту им было, когда по земле нарастали.
Отошли незнакомо, ветвистые выдув бока:
по распаханной пашне,
зачерпнув черноземного языка,
по диковинным вымыслам дома вначале.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Перебранку картавых наплюснутых рыб утоли.
Или нянечки пестуют дрему – низовья смолы,
или день обретает ветер и детскую силу
выкрикнуть птичьи ветки:
раздувай золотые железки лебединогорла игры,
что вязанки рассвета еще тяжелы,
и на хохоте пламя больней – вне игры, –
как бы нехотя впал в перебранку.

Встречу из виду жили, –
глазасто исчезнуть во вне.
И тогда, отбиваясь от рук, возникало движенье,
затевая проточную опрOMETRY взгляд на мир в
польнье.
На коне ли тот всадник –
поднимая лук, разломил тетиву,
чтобы люди болели хлебом.
Или сутки опомнились.

Стены зрения ровно ли ветер воздвиг,
на дороге оставил плоды,
медлил видеть, отказывался говорить –
в протяжении кубка рука.

Мне подносят твое языкастое зелье,
и река припадает к своим родникам.
Я вдыхаю твое молчаливое зелье.
По молочному голосу ворожбы узнаю
недоступность кубка питью.

Ожидаю себя,
словно здесь исполнять не приходится время.

Голос тревожнее тела стрелка – слушает голос.

Вылепил пляску вместо игры:
для возложения рук
слишком ты светел.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Если помолвлены камни,
хлопоты невпопад.

Долго до осени здесь, посему
сказано: день раздувает колос.

Дай мне пристанище поводырей – необитаемый
взгляд.

Слово задумчиво пахнет зверьем,
можно забыть «прежде».

Часто растущий рябой кипяток, да укроп моложавый.
Бегай в избытке –
поступь зернистую сыпать на кроткие жалобы.

Волосы – паникой рук.
– Что до того нам? –
Если надумал созвать снегопад,
взгляд исподлюбья
и, за пределом весны, озоруя, укрыться ладонью,
пальцы вонзая в виски.
– Что до того нам? –
имя прохожего буквами пишут в надгробье.
Трогают тело мое по часам
пылкие сквозняки снега.

Я приготовил объятия наедине.
Надо попробовать выпить с ладони знаки коней.

Пригоршни – рисовал на листе:
многого послуха сватья.

Заморозками тронутый свиристель
в воздухе тонет,
насвистывая деревянный запах.

Это художник древний
оставил здесь свою луну,

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

верховную оставил руку.
Он приказал меня, и нежно
вхожу в пролитую пляску.

Ныне впервые ваение сна цепко знобило.
К пеплу, к домашнему очагу прикоснулся наскоро
и торопливо молчал, и улыбался премило.

Вызнали небо Ван-Гога,
мертвые ветки в небо вложив.

Знаки коней от скалистого логова
кинулись в уши ветров:
– воина не вини –
– сторожа сохрани –
– кружево зачерпни. –

Именованья нет,
и вербы наугад
лепили запахи, покорно день отведав.

Мои древесные глаза совсем птенцы:
сходили со свету, винили небо.
У времени на цыпочках
одно желание – не требовать.

Древесные, укромные глаза.
Их любопытство жизни – домолчать,
кормиться, зариться,
вращая в хлебное зачатие.

Сегодня день насквозь проговорился,
до воли плакать в жмурки смеха
за крупногубые слова.

Но вечером растили горы,
и бегло лаяла собака.
1994

О Г Н И В О (1994)

Татьяне Кармановой

– При встрече тебя не узнать
и в соленые свечи звонить,
у самого вечера,
в тонкое дно колокольни.

– Огонь всполошился.
Пора бы его запретить.
Вернуть пустоте треугольник.

– Как тихо среди победителей,
слово не в счет.
Дороги ухожены пылью.

– Гора пересохла,
но пастбище службу несет,
по краю обрыва.

– Посыльных
не ждут уж. Прохладные,
как соболя,
слова произносятся,
будто они из последних.

– И окрик затих, словно выжил,
простор разделяя
на равных: зачинщик, наследник.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

На пороге умыться –
жилища обычай.

Скажет ровный хозяин,
что птиц стережет.

Но в огне тупика не найти.
По привычке
ограничить глашатаые стаи клеймом перелет.

Кто огонь приравняет к вещам
и отнимет у сына,
похохочет над свахами:
можно в убыток солить
на упругие веки.
Все зрячие кушали дымом,
веретенные девки горчили-неволили сны.

Ни войны не имеют, ни города –
пролиты. Зоркость помогает не выслушать
и остается одна
из допущенных к месту событий, достойных
радости. У окна,

хоть у ветра напрашивать злую настойку.
Погадать торопливо и выпить до дна.

Писари знали эту последнюю должность.
Множили дни свои,
в спешке роняя весы.

В окна плетеные
около полудня можно
крепко постукивать,
стрелки вбивая в часы,
в цифры неслучные – лучше для этой погоды.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

До постоянных дворов долетает слухок,
пыхает хворь за окном,
но стекло плодородней
слухов, явившихся на порог.

Руки на воду сложить, разрыхляя горстями,
пить ножевые украдины
в день ремесла.

Словно вода и обиду свою расповатила,
и от огня понесла.

Буду плакать смоляными боками.
Словно лакомка,
приходящий тайно.

На задворки валежные, в дом,
где окна и в помине не сыщешь.

На богатые камни.

Хозяин в одном огнешанин,
для всех рукавишник.

Или пламя у дома
делить на следы,
на щепотки песочных растений.
За простую медовую щепку впустить
постояльца в немеющий кремень.

Слишком близко к ладони последний глоток.
Дознавайся, откуда я взялся.

Обо мне догадалась погода, и ты
погрозила ей мысленно пальцем.

Стол натянут. Не выслушать,
письма латать.
Их услуги на страже снаружи.
Чтобы выполнить промах,
ступая в места, где получше,
как в нелепые мысли.

Холодно на часах.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Можно открыто поститься,
вынянчат прописью руки.
Так исполняют проводы,
или плывут на мосту.

Многие внуки,
для возвышения местности,
где у них дом, однажды
стали заботливо-пешие,
торговали огниво.

Каждый,
при помощи сходства,
был и наследник, и слово
подлое, как от счастья,
от захолустья голос.

Словно ты оговорка.
И попривыкли в этой любви
путать размеры комнат.

Все у жильца портняжно:
своих бельевых штанишек робкие каламбуры,
одышка своя у цели к строгости партитуры.

Приобретать у ряженных
покинутую веревку, обманку,
вруша один решится.

Редкий соперник зрелища,
не науток, для хранения,
выяснит, кем приходится
кухарке цветной передник.
В качестве долга, ко мне, обнаружит
легкий шум рукодельный.
Его покидает близость вопроса
о представлении дружбы.
...и поминутная слежка в глазах.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Пригород, кроме прогулки, выдумал дом,
где обретают покой показания чисел
уличных встреч, и становятся прятки окном,
впрочем единственным признаком силы.
Много родни удастся хранящим огонь.
Словно без памяти не разобраться в наследстве.
Вычеркну все, что зовется игрой.
Смех с полуслова услышу...,
но будем вдвоем жить вместо времени,
или уйдем в старожилы:
торопиться, рассказывать наперебой
взрослые будни.
Все пересуды похожи свободной строкой.
Разница, если тревожить, в одном –
расстояние к дому.
Значит, прогулка сбывается. И поделом
Тем, кто совместно живет
и живет мимоходом.
В споре я лишний.
Напротив мой дом.
Для поединка он тесен,
он просто жилище.
Но присутствовать каждый день
между двух приглашений,
выбирая из сказанного, почти наугад,
фразу особенно нелюдимую
в произношении.
Пропадая за чтением, заговорить
на своем бугорке,
на губчатом ослике увезти
половину разломанной детской считалки.
Или костер развести
и нагреть его до невидимки.

В этот час беспробудно огниво. И я у земли
засыпаю на время.
И во сне я пытаюсь просторные угли внести
в дверь моего дома.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

СТИХОТВОРЕНИЯ
ИЗ ЦИКЛА «ИНО»
(1988 - 1993)

Снежество

На оконные стекла ложится снег.
Провожая октябрь прожитым тоннелем
и смотрю, как метущий внизу человек
все пытается сдвинуть снежинки с панели.

В нетерпимости к празднику первой зимы,
к наводнившему город снежайшему блюду, —
он находит несуществующий смысл:
приоткрытых колодцев — просторный желудок.

И встречая с утра каждый день, как оброк,
как порог, предназначенный для спотыкания,
отбывает его забываемый срок:
чертыхаясь — каясь — легко, без отчаянья.

Да простят его дети, собаки, дворы, —
посвященные рыцари ордена Снежества, —
те, кто двери, во зло, на испуг не закрыл,
не взошел, для спасения, в степь невежества.

Кто не знает, что нынче поделать с душой —
словно пьяный, раздаривающий объятия,
кто в смятении снега искал и нашел
все ответы — ниспосланные проклятья.

Я давно загадал этот день на судьбу,
замираю в языческом препоклонении.
Все приму и поверю — что будет, то будь, —
лишь не дай мне Господь умереть во терпении.

Отхожу и к глазам приближаю листок
ненаписанной верой исписанный дочиста.
Как же каждый просящий из нас одинок
до зимы, до утра, до всей жизни, — как прочерка.
1988

Холм

Все умершие нынче склонились дождями над городом
и внимают пустое у праздных, познавших печаль.
По завешенным окнам, по темным углам
коридорными
появляются преданно, ласково в мысли стучат.
Без истерики оргий, без трепета духо-клонения,
суету панибратства меняя на светлость руки,
увлекают — блаженно — к Холму своего поколения,
кажут выше судьбы, где законченный брошенный
Скит.

Не желая удачи, не жалуя жизнь наговорами,
лишь даря одинокости зоркость разреза души:
опустелым сознанием, на миг воспаленными порами,
поглощаешь в бессилии омут открытых Вершин. —
И вещает земля здесь, и память вращает в поверья
вековых мятежей плоти, равных ознобу глотка.
Видишь ясно, до рези, — спокойственна Духа
империя:
обреченность в ином измеренье всегда высока.

И все глубже, все медленней тянется ясность
пророчества —
на холодном припеке отток изнуряющих сил.
Провожаясь себя к ним и моешься, моешься дочиста,
чтоб никто не любил, не внимал, оставлять не просил.
Но не можешь уйти: не молиться, не молвить хорошее,
онемением ног исступление мысли щадя —
через Гоби бесплодья тянуться до Индии прошлого,
не найти и пропасть в заточении шара дождя.
То проходит открытость, проходит безвыходным
выдохом,
оставляя чужое: на вдохе отеком груди,
заставляя искать, задыхаясь в догадках, не видя Холм,
памятуя пришедших потоками оком одним.
1989

Стих

Ныне стою над провалом, поверженной о землю, стихии
Ипата.

Коршун изгнания не выйдет в дозор, забывая вершить
на круги.

Я оставляю и жду:

позади не прошедшая в ровень утрата
камни бросает и любит, на миг прозревая, судьбину
слуги.

Чудаковатая,

будешь ли призвана,

если та Богом любима,

песнею названа, но не допущена к памяти веленых
слов:

накись камней не хаос,

то иная тропа — собирать ощутимо

пригоршни ягод, постимо-саднящие пригоршни глаз
стариков.

Вынести свет их,

пустить можжевельника свитые стороны миром.

Небо послышится.

Воздух послышится.

Падшие травы — водой.

Чистый от плоти,

в благословении черпаю силы незримо.

... Там, глубоко, где меня хоронили, стался ли узел с
едой?

Доля бескровная, песня без имени,

не поминай беглеца.

Я же отпущенный, ты вознеси меня

Храму —

мой голос, мой Царь.

Ни на земле, ни друзьям: одишешенек —

ощушь слепого.

Снова и немо прошу: то хорошее,

то умываюсь — жить ново.

Вы ли, кудесники леса, горюете,

вы ли поля велики?

Полпути пройдено,

как не горю идти, —

ноги увязли: пески.

...Солят ветра по камням,
и пастух, оживляющий гибелью сына,
ждет возвращения, видеv далече поля и посланных
снов.
Выкосил вой белену.
Не смиряясь, разревелась, постыло, калина, —
солнечной вспышкой оставлена праздновать жажду
лесов.
Выпить бы враз,
да пошибче — в завитку — отбросить испуганный
кубок.
Вот он я — мамочки — сколько ослепленных,
алчущих жадно:
хотим.
Мне не живется, и здесь не прошусь:
слишком все обреченное — любо...
Я лишь прощенья просить,
я почувствую ложь, —
побожись: я — простим?
Больно покаяться.
Увековечена поступь,
не станут петлею стены валежника.
Паперть — паломнику, истинно — перстень о том.
Остановите дыханье просящие, блудные жители Трои:
будут базары, младенцы и звезды вкусивших за общим
столом.
Долгие сумерки приготовления — вязкие сумерки,
стекол испарина.
Засобирался, —
место мое у подножья реки
Дарино.
Все васильки, все корабли близкие
стаяли.
Выйду к реке: не погуби,
что же так низко ставили?
Путь отрешения,
будет ли?
Ладом и миром хранимый,
не торопился —
оглянешь с последней горы, уходя: там — твои
добры свояси отпущенной тяжбы с улыбкой — не
хлебом единым.

...Мимо тщеты, припадая юродивым, облаком мир
утаи...

В этом святилище глупо чураться покоя высокой
лампады.

Взяв на копье, я вынашивал сердцем о сердце:
живи, боль не лгут.

Но разрушалась империя в полный упадок.

Больше без сил,

и шакалы мерещатся, копятя: вот — стерегут.

В изнеможении, в шубе расхристанной мне бы
добраться,

успеть бы.

Гаснет дорога.

Чаянья, криком проточным крича, не явить, не...

Тихо усение. Но обо мне отзывается зеленью стебель:

— Много оставил ты, скоро оставил ты —

этим твой Храм не видней.

Будь милосерден и счастлив, возвышенный в поисках
Храма,

слов вождельных познания шедших, минуя той
скверны уста.

Обыкновенно:

застынет зрачками оконная вечная рама.

Коршун не выйдет.

И тихо простится последнее слово — «устал».

Не осязаем, но славен живущими
скрытой легендой клад.

Доля бескровная...

песней зовущие

не возвращают назад.

Чувствую.

1989

Цвет

1

Капли и корни,
вплетенные в трещины скал,
неузнаваемы.

Здесь начинался,
а может, давно оболгал то, что в начале
сказано.
За безучастье в игре — вне —
небо покрыто вязами.
Гребень повыше,
а дальше осталось смотреть,
словно отчалить.

Вон.
Повинуясь изломам, и стол — под фатой лобного
гомона.
Свидеться: пресной волной,
камнем питающим ветры Наины,
схлынуть ли, не уместить
всей акварели податливых красок,
оного времени кроны стелить мягко под голову —
сладко для сына.

Вон: растворив окаянные камни могил,
соли сказания —
видеть творением,
видеть готовых белил поиски славы.
Поиски Снежества, — светом крестясь — было бы
на небе связано.
Всё вспоминая пророчество первой мольбы,
случая вал ли. —

2

Жесты творились проворнее цвета на плен.
Трижды искомые сгустки познания из немощи пены.
Тем ли, почуя удел
сизых хрящей, оправдаю измену? —
мало.
То — глаукома проклятия ощуп вернуть:
низка кораллов — влечение тел.

То отошло:
стеклянные ливни, парча,
чай по-купечески,
сказы калек, дум Святогора.
Исповедим — голову вскинь.
Воосмеяние тяжбы поведать простор:
желтым-по-красному:
торг умиления мякоти полных цветов
небеспокоен.

Слабый набросок: «Омелое-мел» — начерти:
исповедь разному люду.
— Мне не убудет, и казнь не претит, —
куплена, — воин.

.....

В самосожжении скорости — яхонта всплеск,
мумия ревности к власти исполнится мясом,
запахом клейким,
лекалом страстей —
страхов осознанных в сласти слюны и вины коих,
дуя на лопасти смут, показать естество
(ствол): кирзовых почестей, лаков крестей.

Произошло. Как беглянка тревожной ночи —
совесть, рожденная запахом кожи.
...Грады влюбленных — с лихвой бобыли,
Мир обронили, пожитки несли, —
засветло.

3

Вон, волоокой дремотою слизни речей:
плечи покатые,
мшистые пастбища, издавна похоти сей
все позволяя.

Светлый распад под нафталином судьбы —
было чьими-то латами.
Плата восторгу умело покрыла: кабы
волю до лая.

Вспять голосить куролесить: волосия — комями
олова,
что пропивать — супостата, свои, иль господнии
головы?
Шибче метнуться бессонно, нарывши колодцев в
похмелии.
На неподвижной земле отслоиться пылью сумео
ли?
Пауза света в сознании савана послана павшею.
Веру свою навсегда, окрестить Вавилонскою башнею.
Время раскопок: то звать, то мытарить чужое величие,
капли молчанья, застывшие вздорными кличами.

4

Навзничь влекущее лоно, по запаху трав, видится
тягостным
праздником, срывшим и нехотя возглас набрав,
истово метит, —
стон хороводит нарядами снеди-несущих.
Все, что просил,
остановится просьбой дождя,
сущих дождей чистого лепета.

Оклика взмах растворится — послушный гонец
были «ин витра» и...
и слуха, и духа.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Все, что осталось — венец
липких ладоней.

Тёплая нянька, привычно заправив иглу,
шьёт оба времени.

Все, что осталось:
глазастая клятва на гул,
вера агонии.
...Долгая песня
имени каждого встречного пришлого в дом.

— Напой водой студеной,
накорми,
я весь путник отлученный
от земли.
1990

* * *

Денно гаданье, песчаные отмели грез,
в море отлив — то на небо ни мало прибудет.
Воспринимаю случайного гостя всерьёз
за правоту, — научили бывалые люди.
Дверь открываю велению слез старика.
Без причитанья шепчу незнакомое прежде.
Старший вельможа поднимет лукавый бокал
и назовет суету так не складно — надежде.
Я повторю, не услышу, но слушаю звук,
полный добра, тяжелеющий землями берег
мой, где разлука встречает людскую молву, —
путь обретения равно — великой потери.
1990

Осень

Логово дум — поле.
Ты голова, поле.
Выше тебе конник.
Поле голов — поле.
Гул, утоли вдовье —
мне не прожить боле
облака грозового, долгого, поливого, —
взорами.

Силы просить на исходе горы пития,
С дерева прыгнуть в осеннюю шибкую кучу.
В прошлой деревне старушка поделит огня:
Анна Ивановна, сколько людей-то плакучих.
Речь расскажите,
я — пустошь, трава-лебеда,
ож, плакала Кулунды, ожидание хлеба.

Логово дум.
Поднимается тело на «ДА»,
сопровождая свою убиенную небыль.
Гонит звереныша, вовсе пройдоху, сыча,
и домочадца, ваятеля гордого имени.
Я уравнию, —
прошлепает хохот, ворча:
— Слишком говорено,
талое, ты опои меня.

— Могут колдуньи извести человека
вылепив его изображение из воска
всяческим истязанием подвергая ...

Низкая пашня, кустарник меняет леса,
ясно, и видно:
паром через реку, направо —
место свидания и территория пса —
доброе стража покоя единственной гавани.

По светёлке шагать,
ворожить — нагадать,
выпадет постеля —
без году неделя,
да жених — Емеля.

Ты топи, река, одолей берега,
берега осенние, ветряные.

Заливай — разлучи берега водой,
умоли течение не оглядываться.

И облако мне — вольное весло,
размолотое на-двое паденье:
разумная жестокость — одолеть
в симметрии от череп-совладенье.
И русло обнаженное реки
я прижимал ко дну ее потока,
чтоб родники задумали тупик
в открытии языческого срока.
Но вздернута история морей
за право неподвижности событий,
в немилости у девяти дверей
живучее прощение — быть Им.

Самое небо настало, влекомое грому.

Малый росток годования скол вытесняет —
познание родины.

Свет невеликий величием радуги ранит.
Крови несметные тронуты,
в горло вступают разбега проворнее.

Обворожительно слово негодное,
опустошительно,
некороновано.

Сам — надышавшись листвою,
объятия все растворив для напитка гостинного:
— Доброго здравия, кушайте, братия,
доброго имени.

Вам половина веселья, полудница, —
се медуница лесная на выданье.
Нищие ратники радость повинную в зернах прозреют,
плодами хранимые.

... Беглые ветры, нашедшие Ирию.

— Пережив ожидание доброго слова
приношу берега мои к берегу брата...

Остановив певучий неум —
шум раковин морских полнее волн,
свободней слуха рослого прибоя.
Открою створы гулких островов:
в них умер образ,
и прикосновенье отсутствует —
желанье сна вливается в желанье пробудиться.

И путника костер — то горизонт
двоих, идущих в темноте на встречу:
движение — упруго и тепло.

Один-и-звук творит владенья зрячих,
оставив лапы.
Плотное вошло безмолвие огня
и протяженье света: окончено веленье создавать.

Шагаю.

Нет богатыря натугой плоти:
легко дыханье, вложенное в смех.

Осень.

Листьев грай на краю игры в домино парка
последнего знания хода.
Все мы — мысли света, не потеряй одного.
До наступления ждали холода.
Время ждет здесь.
Здесь непрерывны деревья — деревья — долгие
хвостуны семени.
Первые вести пройдут самозванцами, их называют
приметами времени.

А после дня раскрытия цветов —
столпотворенья зрительная сумма.

Никто не спросит выходявших на перрон:
— Откуда привезли того, кто умер?
1990

В день сотворения моря
реки теряли волны,
месяц терял небо,
я находил берег.

Много пройдет историй,
будет луна полной.

Волны хранят небыль,
в камень остыл берег.
1991

Ностальгия

То судачат дожди бесконечное, все о былом,
все о лете судачат посланцы созвездия Лебедь,
вспоминая гулянья в вечернем, почти голубом
и слегка аметистовом небе.

Филигранная зелень застыла в коллекции снов,
и рождают песок побродившие по ветру волны,
и морская луна унеслась до весны на восток —
словно птица, сорвавшаяся с колокольни.

Я не чаю дождей и спокойно смотрю в календарь:
в неподвижности чисел таится начало движений,
это прежние лица, давно обращенные в гарь,
и тепло окрыляет сухую известку растений.

То не птица, то — ветер сорвался с опущенных век,
и ушли корабли, и очистилось море от цвета.
Я не чаю дождей, как посланцев, нашедших побег.
Но к чему возвращаться в глаза опустевшего лета.

1991

* * *

Проживаю, заживляю
раны — горные отроги:
так отчаянно вначале,
неуютно на дороге.
А бывало — снегу мало,
но случилось лето в милость,
словно ветром приносило:
сила-ягода — красиво.
Да полдня на сенокосе.
Бог увидит — стану милым.
Кто же счастья не попросит,
лишь полюбит все, что было?

1991

Камен

(тождество)

Приходили сборщики трофеев.
На беду накладывали руки.
Был ли полдень в это воскресенье,
или в землю утопали звуки?

Словно чья-то осень, чья-то память
сквозь листву, — и листья опадали,
проходили знать — кому веселье
изваяло сердце светлой данью.

Воздух был, и травы проливные
голосили о путях негодных
просьбами — огня — вернуть иные,
радости творимые угодыя.

Слух ли на праздник — желание скоро:
леса высокого шумно встречали,
без разговоров воды слагали озеро.
Их удаление в одиночество — роскошь — отметина:
в руслах уставшие реки
бьются о землю дикими-гнездами-птицами
и принимают бледные волосы вечера
жаждою — слиться.

Степь опалила ковыль водопоя,
гонит ожары звенящие,
горлит в небе:
зрячее место, любимое многими,
слишком великими недотрогами.
Зрячая местность,
где поясами менялись и слушали
волю прилива.

Между землей и глазами блуда
струны задуманы —
это пустой таволожник странит
ратное тело.
Косноязыкий и неуклюжий увалень света.
Чуть впереди охает лето
вместо вины.
— Воздуха прелое крошево —
— Новое прошлое создано —
— Скошено сумасшествие —
— Конные спешились.

Славно легко горевать,
что ворошить.
Если поверхность — смех глубины,
то покрывало шить.
Непоправимо.
Будет ребенок всем отвечать имя:
он прижимается бережно,
— много ли дней —
он пропускает прикосновения.

Вам — поделиться хотел: оставалось в запасе,
или в улыбке, в хранилище танца, в притворстве.
Я не слабее потока, я слишком согласен
вспять воротиться, к банальному тосту.

Там, у державы, у самых ворот, у начала
Камен старик погружает в дорогу посох,
вестит — за множество дней — минералы сличая.
Голос заброшенный — детский тайник — чертополох:
— Было движенье в обычаях времени года,
в том поколении был обитаем ветер.
— Дар приходит —
он единственный шаг перехода,
в слове «достичь» больше испуга, чем света,
больше хворающих, чем на ступенях вокзала:
сохлые руки — как винные клубни наружу.
Зона прогулок преобладала.

Сладкая жидкость изнанки числа,
или пустая порода числа.
В звуке ответов, лишенных убийства, — зимняя стужа.

Тень от подстреленной птицы меняет окраску,
делит убитого зверя прыжок в половину.
Сказывал медленно и торопился плакать.
— На ноги мне бы подняться, мало видеть.
Словно тропа — это поле, и невозможно
двинуться с места: так созревает семя,
имя свое создавая — власти подножье.
В долгой молитве реки склонили колени.

Станет легко горевать,
что ворошить.
Если поверхность — смех глубины,
так — покрывало шить.
Голос очертит линию дней слова
птицами-гнездами-дикими.
У старика тронет земля голову:
то налетели деревья — криками.

Красное, красное — волки всех просторечий
неторопливо, на цыпочках, по отголоскам историй
глянут и глаз не заметят, —

«Ступай подорожник,
встреча случится ночью седьмою в озере».

И поспешала стая сорочья,
но не успела.
Милая, славная, в этих пределах время песочно.
Дай мне послушать твои ладони,
тихо проститься...
лампа в комнате — бешеный всадник — мчится.
Быстрые — зелено — сватают воды... синие мели.
Лишь на восходе, дрожь унимая,
руки пустеют.
Вне притяжения волосы крались,
кликали темень.

Я забываю, я возвращаюсь
в зелень купели.

Склонность пожить — это хлопоты для уходящих.
Лес научился сеять обратный дождь.
Худо — небедно, камен жильем,
дом поведу с колокола.

Долго в себя возвращался молвить
и невредимый.
На руки мне подавали воду:
тучи проливали травы,
травы пролили мел.

В полдень глаза старика я увидел,
выстрогав лодку сосновой коры
запахом берега,
греет весна.

Он затевал игру, снега отведал,
или — в насмешку — право побега,
как долговая яма обид, и
дно горных тропинок меняющих цвет глаз.

Легкие плавунуны
кружат пугливое утро.
— Я не твоё мнение, —
зовет
пойманный в сети земли водоем,

Теплая влага утренних лиц, —
капли вблизи.
Им — кропотливым — я отдаю рыхлое тело зимы.

Ранешный свет и уплаканый воздух
бредят ветрами.
Кто же идет против теченья земли,
чтобы читать Камен?

В верховьях леса встретились слова,
и корни узнавали листья.

Цветы разжали кулачки семян,
храня судьбу для продолженья мысли.

Здесь людно.
Пожеланье — «быть» —
струилось сквозь голов-творений-завязать.

Все ждали Солнца,
но никто не знал,
что так оно однажды называлось.

Не время над рекой, — она верна,
как речь земли, рассказанная морю.
Сбывается источника волна
началом полдня лиственных историй.

1992

Длится речь по земле —
то кормилицы песня лучом колыбели
сходит в горклые пригоршни,
утварь тая.
Я превысил дыхание слов
и бежал во всю ночь
по клокочущим клавишам мели:
провалиться в совиные зоркие дыры окраин
на покой камыша.

Слушать волю доверия травных детей
изнутри восходящего зова,
огнистого всполоха крохами лет, —
лишь достаточно долго молчать.
Не узнав, что далеет любви
полнота в суматохе вестей —
удивленных погодышей неба.
Ненавидно то место, но взято начало.
Вопросительна кромка ресниц —
взгляда полный каприз, и, деревья качая,
август падает ниц.
Что за воздух пролился с горы
в долгие сны кучерявые отяжелевших долин?
1993

Дыхание

Словно воин свершений, вобравший в себя поле,
одинокое зверище ночи почуял и вражья колья,
вскинул голос, но звук застыл, — невесомее сора, —
не желая возврата, не поддержав разговора.
И куда ни ступал он, — везде находил останки
каменеющих вскриков, рожденных в неистовом танце.
И остался он немый — ладонь до лица пугливо, —
покрывая дыханьем свое неуемное имя.
То ли мера иная разнится в предчувствии слова
для того, кто касанием стал на вершине озноба.
Тяжелее огня он понес свое зоркое тело,
и дыхание сжалось до белого мела.
Так стремится гора быть вместилищем ветра нагого,
и в обычаях дня поместилась дорога, и гомон, —
гомон рослых камней, оробевших на грузную темень:
здесь — жилище цветов, и утрачено время.
И сочится по склонам вода, выжигая морщины,
восковое свечение, трепет горячей вершины;
реки, полные брода, — глядятся в них странники
брани,
и уносит, и студит поток отражение в камень.
Поднимают овраги душистые, терпкие грязи,
оглашение правит, и принято утро, как праздник.
Не хорал, не Герника, не брошинка образа вестниц —
клёкот стойбища древних, землистый хрусталь
околесиц...
Это чаша — мембрана, набитая криком,
где обрывки корней исполняют плетение — Ликом,
где язычное речит, дивится на реки дневные,
и срывают влюбленные гроздья дождя наливные.
Но торопится ропот, обряженный в капельки пота,
как совсем, — будто в детстве, — забывчиво-кроток,
нелюдимый пришелец, любопыта весеннего зноя,
или по миру пущенный вал травостоя.

1993

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

* * *

Не весь ли свет остался у земли,
и ветер обнимал слова на память,
и плыли, плыли корабли
с переселенцами весны?

Я был в тот день особенно далёк —
доверчивый, как недостаток,
приспешник, пасынок,
гулёна святок.

Но мне возможен возраст без примет —
соломенный напев осоки, —
чтоб выходить с улыбкою на свет,
на первый снег — походочка плохая.
1993

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

КРУЖЕНИЕ СЛОВ

Проза

МОНОЛОГ ДЛЯ ГОГОЛЯ

Вы были правы, Николай Васильевич, когда говорили, что после смерти Пушкина писать стало не для кого.

Но вы писали и сделали нас героями. Вы обессмертили посредственность, увековечили пошлость, оправдали страждущих не на шутку и терпящих друг от друга, самодовольных всезнающих глупцов и гладко выбритых стеснительных воришек. Вы оправдали непомерную сытость и вульгарность, как единственный способ существования; «вечную желтую краску» наших домов и «какой-то особенный лакейский запах», носящийся по улицам. Вы собрали воедино всех посредственностей «надувательной земли», то есть всех живущих по средствам, в меру безразличных, в меру функционирующих, ни то ни се, не горячих и не холодных, задумчивых сидней «по своим надобностям», байбаков, разбросанных закоулками. Вы говорили о себе, что «прежде я был толстяк, а теперь болен», болен своими героями. Вы изобразили нас «приятными во всех отношениях», но мы «черная точка» в вашей душе, «глухие могилы вместо людей». Ваша искренность не нравилась никому, вызвала раздражение; плутовство принималось за действительность, замкнутость оскорбляла. Вы, как ваш художник, «вырывали что-то живое из жизни», годами переписывали свои сочинения, «уничтожали гениальное», посвящали нам свои сны. Именно за это вас так долго спасали от смерти, брили, страшали страшным судом, ставили к носу пиявки, насильно сажали в горячую ванну, поливали холодной водой, обкладывали горчичниками. Мы были «чертовски энергичны», мы любили вас, но вы умерли так же нелепо и неожиданно для нас, как родились. И нам, вашим героям, стало страшно без вас, и мы засмеялись, как никто не умеет смеяться в мире, засмеялись над собой, чтобы не была так «грустна наша Россия».

*

Через 200 лет после вашего рождения, Николай Васильевич, город NN не изменился. Я прогуливаюсь по улицам и с удовольствием вижу, что дома выкрашены той же «вечною желтой краской». Как прежде на улице стоят мужики, философствующие в пустоте: «Вишь ты, вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» Скажут и ухмыльнутся такой усмешкой, как если бы «человек доставши себе в нос насморк и силясь при насморке чихнуть,

не чихнул, но так и остался в положении человека собирающегося чихнуть». И в каждом обсуждаемом автомобиле сидит наш новый Чичиков «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтоб слишком молод». Рядом с ним, на сиденье, вместо заветной дорожной шкатулки красного дерева, которая была будто жена вашего Чичикова (в сущности незнающего женщин), тщательно оберегаемая пухлая барсетка – новый символ жены, или тонюсенький ноутбук, будто закадычный дружок, спасающий от скуки в трудную минуту. Я думаю, возможно, именно этот наш Чичиков, как некогда ваш Тентетников, обдумывает, слава Богу, сочинение, которое «долженствовало обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность – словом, большого объема» сочинение, своевременность которого в нашей стране, как вы бы могли заметить, всегда актуальна. Словом, все-таки, мы изменились, мы стали многочисленнее и образованнее, а «пошлость образованного человека не имеет себе равной».

*

Я иду по городу, где все поделено на казенное и ворованное. Я знаю, что, зайдя в любую организацию, я, по примеру Чичикова, буду выпрашивать швейцара «большой ли подлец их хозяин», и мне ответят: «О, большой, сударь, мошенник». Я иду по вашему, Николай Васильевич, городу NN, словно читаю ваше сочинение. Вот бежит молодой человек «с покушеньями на моду», бежит и растворяется в воздухе, вот рекламный агент «живой и вертлявый до такой степени, что даже нельзя рассмотреть, какое у него лицо», вот Коробочка с сумками широкого размера и содержания, которыми в России, с любовью пользуются «известного рода» рыночные торговцы, и даже государственные мужи, имеющие в часы государственного досуга кокетливую слабость ко всяким «грибкам, пирожкам, скородумкам, шанишкам, блинкам, лепешкам с припеками». Вот размышляющий о себе Манилов с супругой, Ноздрев в казино, дама – «просто приятная дама», а рядом более везучая подруга, – «дама приятная во всех отношениях», и они переполнены новостями, благородными чувствами, состраданием и желанием быстрее полюбить ближнего. Я оглядываюсь на витрины магазинов, где красуются «безделушки позднейшей роскоши», «грощевое чтиво» с глубокомысленными глазами психоаналитиков на обложке, обещающих исправить все, что у нас есть, к

лучшему; элитная водка «Пушкин» и ветчина «Моцарт»; бесконечные скидки на золото, бесконечная пошлая пробирающая действительность, в которой «все по десять». А с рекламного плаката на меня смотрит какой-то успешный молодой пошляк, белокурый и довольный собой. И я вспоминаю, что такой же преуспевающий весельчак убил поэта Пушкина.

*

Я думаю о том, что вы, Николай Васильевич, в сущности, любили Россию. «Если же и музыка нас покинет...?» – вопрошали вы и прислушивались, как «раздается немолчно», «хватает за сердце» русская «беспредельная песня», как запекает ее «здоровый, свежий, как девка, детина, третий от руля...». «Здесь ли, в тебе ли не зародиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» – вопрошали вы «могучее пространство». Но перед вами стояла беззвучная река нашей действительной жизни «по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын – разумеется, птица, а не человек» и «поймав рыбу, держал ее впоперек в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, и глядя в то же время пристально вдоль реки, где в отдаленье виден был другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу». Мы и есть ваши молчаливые мартыны, покинутые музыкой, и различаемся только тем, что одни уже поймали рыбу, другие же пристально глядят на поймавших.

Вы часто и неожиданно уезжали от нас, подняв высокий воротник шинели, и в своих странствиях, скучая о России, могли одним росчерком превратить другую страну в шутку, допустим, в нос: «Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает».

*

Я всматриваюсь в идущие навстречу носы, желудки, шинели, лица, перечеркнутые улыбками, души с покусением на жизнь. Всматриваюсь в чиновников и служащих – «нельзя сказать, чтобы очень замечательных, низенького роста, несколько рябоватых, несколько рыжеватых, несколько даже на вид подслеповатых, с небольшими лысынами на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется геморроидальным...», в ваших бесчисленных Сысоев Пафнутьевичей и Макдонольдов Карловичей.

*

Я ищу вас, Гоголь, как вы искали того, кто «одним чародейным мановением мог бы устремить на высокую жизнь русского человека», вы искали Россию и верили в нее как в птицу-тройку, как в Живую душу.

2009

РАДОСТЬ (ПОЭМА-ИМПРОВИЗАЦИЯ)¹

Радость изматывающая как болезнь доводящая временами до отвращения до обморока

Радость как испорченность сознания зрения слуха как запах от которого нельзя убежать

Творческая радость придания жизни каждому порыву ветра предмету одежды ветке дерева ползущему восвосяи насекомому облаку ничего не знающему о земле человеку вдохновенно цепляющемуся за мусорный бак и человеку получившему новую должность новый внешний вид интонацию голоса новые местоимения-паразиты для обращения к окружающим

Придание жизни камню при дороге со следами прошлогодней крови старика умершего в этом году

пожилой женщине Хариессе Мамертовне читающей вслух у подъезда зимой сидя на табурете сквозь толстые стекла очков перевязанных проволокой Историю Государства Российского

менту читающему в автобусе Идиота

идиоту разгадывающему кроссворд на детской площадке

ребенку в коляске еще не знающему что он ребенок мальчик носитель крайней плоти мужчина ревнивец муж дурачок кормилец кобель алиментщик завидный ничей

девушке думающей о себе лучше других ее беззащитной опасной походке стоптанному каблуку стуку этого каблука передразнивающему второй каблук отпечатку пальца на каблуке игривого любовника и рядом отпечаток пальца нерусского паренька из ремонта обуви нелегала потому что на родине война о которой я знаю из новостей веселого давно женатого диктора страдающего

язвой и мыслями о радости о том что хорошо бы откупиться от жизни вылечить язву и сразу уехать и больше не говорить о войне

войне где смерть навсегда где мужская сексуальность трансформировалась в орудие убийства и тысячи фаллических стволов пуляют и метят себе

¹ Текст печатается в «авторской орфографии» и с «авторской пунктуацией»

территорию и тем кто покупает войну как шлюху для слюноотделения для катарсиса потому что нет никакого оргазма для бесполой силиконовой звезд из планетария современной культуры

Радость от того что навстречу идет человек похожий на свою скомканную детскую фотографию а рядом девушка пахнущая первой любовью думающая о новом нижнем белье о раннем целлюлите и о том что экзамены в институт обошлись недорого

Радость от того что депутат которого я люблю отрабатывает мимику выступлений по любимым комиксам словно жалуясь на хронический геморрой

Радость придания жизни полусгнившему трупу собаки брошенным средствам предохранения защиты гигиены получения кайфа продуктам легких туберкулезника подсыхающих на тротуаре осиротевшим окуркам людям сидящим в летнем кафе

О чем они дружно спорят о чем думает каждый скользя взглядом по соседу по ляжке соседки по очереди в туалет и мысленно в свой карман хватит ли денег на нее на себя на пиво чтобы догнаться

О драматическом театре где висит реклама мебели и скотного двора побратима театра

Радость от того что для каждого из нас радость невозможна но мы находим её в окурках в нижнем белье в любимом писателе в религии в сексуальной позе в презервативе в программе о войне в небесной радуге

Радость от того что вселенная шар и каждая точка шара центр этого шара

Радость от полицентрической вселенной от того что я сижу на скамье в парке я тоже один из центров как собачий труп или плевок на асфальте

Я вижу жёлтые окна соседних домов в которых шевелится радость супружеские долги шерботое одиночество застарелая любовь любовники ржавчина в трубах мертвецы в обнимку с мебелью неумолимая ясность ума беспомощная логика культуры беляши на противне тараканы чернослив деньги плейбои кроссворды идиоты загримированные для повседневности как для последнего пути бездействующие как в безумии уныло бьющие друг друга по образу

и нет спасения во вне

и помрачатся смотрящие в окна увидев радость

Я сижу в парке и пью из бутылки потому что пропить все это не жалко потому что алкоголь растворяет все центры в единую светлую прозрачную драгоценную жизнь и надо мною настоящие звезды

Я чувствую – становится темнее

Будто молчаливые бесшумные птицы кружат пытаясь прикрыть мне веки или это кружат слова которые не могу допроизнести не могу вырастить чтобы составить из них предложение

2008

КУБА: ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТРОВА

Эту страну нельзя сочинить, как нельзя сочинить любовь. Самое пылкое воображение останется в дураках. Эту страну необходимо пережить.

*

Дом престарелых в Гаване носит сакраментальное название «Хи-хи, Ха-ха». Старики сами именовали свою обитель. Пытаюсь представить смеющихся над собственной старостью. Не умеющих печалиться. Посмевших быть счастливыми среди великих мелочей жизни, которая всегда с тобой. Не скажу, что кубинцы постоянно веселятся. Нет. Но серьезные, озабоченные действительностью, они всегда яркие, подвижные, искрометные, такие, как танец румба, движения которого скрыты в походке, в интонации, в жестах кубинца. Танец как стиль жизни. Это не ходьба к определенной, обычно несуществующей цели. В движениях танца – радость от самих движений.

*

Поэзия – это танцующее слово. Возможно поэтому здесь, на Кубе, одиннадцатый раз проводится Всемирный Фестиваль поэзии. В этом году он посвящен славянской литературе. Представители более чем сорока стран направили свои делегации в Гавану. Мексиканцы, немцы, американцы, канадцы и прочие поклонники славянской культуры прибыли на остров Свободы.

Фестиваль открылся танцевальным шоу. Разумеется, соперничать с кубинскими танцорами сложно. Впитав с молоком матери всю красоту латиноамериканских ритмов, они танцуют везде: дома, на работе, на улице.

Жизнь – это возможность радости, остальное – знаки, чтобы говорить о ней.

*

Год назад я получил приглашение от кубинского посольства в Москве посетить фестиваль. Делегация России состояла из шести человек. Трое – представители московского литературных кругов и трое новокузнецчан, представители университета.

Меня поселили в отель, стоящий на Малеконе – набережная Гаваны. Через дорогу – море. Из окна девятнадцатого этажа я вижу, как восходит и заходит солнце в воды Атлантического океана.

В администрации отеля две мулатки хорошо говорят по-русски. Одну зовут Маша, другую Нюрка-Елена. Их имена – яркие осколки советско-кубинской дружбы.

В номере кондиционер. Белье меняют ежедневно. После уборки горничная обязательно смастерит из банного полотенца и оставит на кровати забавную фигурку. Лебедь, склонившийся над подушкой, или белое распластанное сердце выглядят, словно пожелания счастья.

*

Темнеет быстро. В девять вечера – тропическая неподвижная ночь. Свежий ветер с моря дает возможность вздохнуть после знойного дня. Все стремятся на Малекон в объятия морскому ветру.

В первый же вечер я перезнакомился с рыбаками и музыкантами, поющими на набережной. Рыбаки давали мне закидывать свои спиннинги в черную, покачивающуюся, словно в раздумии, воду. Музыканты исполняли зажигательную «Guantanamero» и гениальную «Besa me tucó».

Песнями они зарабатывают на жизнь. Заработав, покупают ром. Бутылка идет по кругу. В «священнодействии» участвуют и исполнители, и слушатели, и случайный прохожий, «стрельнувший» сигарету. Пиратский напиток бодро вливают в горло, не касаясь губами края бутылки.

*

Ближе всех я сошелся с чернокожим гитаристом Амаури. Он неплохо пел и говорил по-английски. Я плохо. Мы разговорились.

Общение на набережной проходит на трех языках: испанском, английском и русском. Красноречивая жестикуляция дополняет сказанное. Узнав, что я из России, Амаури угостил меня ромом и бесплатно исполнил печальную песню о Че Геваре. Я решил поумничать и спросил: «Почему, несмотря на бедность, кубинцы выглядят счастливыми?» Амаури задумался: «Куба – остров. Это когда жизнь омывает тебя со всех сторон, а ты невредим. Ты не скучаешь о прошлом и не готовишься к будущему. Это похоже на любовь. Когда любишь – ты настоящий остров. Остальное или остальные мимо тебя,

все мимо...» Собственный гитарный перебор отвлек Амаури. «Я тебя познакомлю с кубинской девушкой, – оживился музыкант, – она будет рядом с тобой пока ты здесь, она будет любить. Ты будешь счастливый. Черная, белая, какая?» Он протянул мне бутылку рома. «Любовь – это богатство кубинской девушки. Она хранит ее, как другая женщина хранит дареную драгоценность. Она несёт её, как лучшее украшение женщины».

Амаури гортанно крикнул своего напарника. Они заиграли, и ночь ожила.

Было душно. Звезды обступили нас, словно прислушивались.

Море вздыхало и томилось своим величием. Я стоял на острове между двух открытых Америк и улыбался. Я не верил, что есть страна, где единственной ценностью, в виду ненужности прочих, является красота. Где люди беззаботны, потому что быть озабоченным некрасиво. Где люди счастливы, потому что некрасиво не любить.

На следующий день, возвращаясь в гостиницу, я оглянулся на веселый окрик с набережной: «Ола, Володя!» – приветствовал меня Амаури.

*

Программа Фестиваля была очень насыщенной. Помимо чтения стихов – любимого занятия поэтов независимо от цвета кожи – представители каждой страны рассказывали о культурных достижениях своей Родины. На комфортабельных автобусах нас возили по музеям и библиотекам, на фабрику сигар и в музей рома, мы выступали в университетах и крупных отелях, и прочее, и прочее. Сибиряки были в центре внимания. То, что мы приехали на Фестиваль, для кубинцев и для иностранных гостей было нечто фантастическое. Нас буквально ощупывали. Каждый из выступающих с приветственным словом к российской делегации подчеркивал, что Сибирь – великая богатейшая страна, а поэты из Сибири – самые желанные гости Фестиваля. Вспоминали, что во времена дружбы много наших земляков работало по контракту на Кубе. Президент центра русской культуры в Гаване Наталья Балашова передала письмо на имя губернатора А. Тулеева с просьбой о создании в Новокузнецке общества русско-кубинской дружбы.

*

На улице проливной тропический дождь. Сидим в музее шоколада, пьем холодный, горьковатый напиток. «На Кубе особое отношение к женщинам», – рассказывает Наталья Балашова, – мужчины боготворят их...» Да, я сразу заметил, каким взглядом, полным печального восхищения, провожает кубинец идущую девушку. Не оценивает, не опошляет, именно провожает. А она, королева, не беспокоится о том, как выглядит со стороны. Походка расслабленная, немного утомленная собственной привлекательностью. Королева не заботится о своей репутации. Всегда желанна и счастлива.

*

«Куба – любовь моя», – вспоминаю слова забытой песни. Здесь чувствуешь Возможность острова. Здесь чувствуешь возможность любви. Для настоящей любви необходима Возможность острова. Ибо влюбленные – это всегда остров. Остров свободы, окруженный блокадою кудяхтающих завистников с болезненно развитым чувством ответственности. Они всегда на страже, всюду чувствуют несправедливость, нарушение морали. Они грозят пальчиком, осуждают, дают здравые советы. Боже мой, что могут посоветовать курицы ласточке: «Хватит летать. Опускайся до нас. Здесь тебя потопчут, и ты станешь как мы, курица своего петуха». Возможность быть ласточкой – вот что дает Куба. Даже в России крылья – как украшение или устрашение. Горе вам, патриоты! Точнее, крылья в России – как опора о землю, чтобы не упасть, когда топчут.

*

Куба есть Остров, позволяющий любовь.
И, как моя любовь,
Этот Остров не позволит забыть себя.
Ты будешь скучать.
Ты всегда будешь стремиться к нему.
Мимо других, мимо.
Потому что он особенный.
Потому что он не они.

*

Брожу по улицам старой Гаваны. Разноцветные ребятишки купаются в свежих дождевых лужах. Каждый дом – памятник архитектуры. На окнах деревянные жалюзи, стекол нет. Окна распахнуты. Жарко. Видна обстановка жилых комнат: кресло-качалка, стол, кровать. Бедность, возведенная в ранг красоты. Кафедральный собор – жемчужина архитектуры «Латинской Америки». Отель, где жил Эрнест Хемингуэй, рядом его любимый ресторан. Заглядываю в Еврейский отель, где номера обозначены не цифрами, а именами библейских персонажей. Особняки испанских грандов с внутренним двориком, колодцем, памятником хозяину и степенными меланхоличными павлинами.

Гавана – чистый город. Кубинцы сами очень чистоплотны и аккуратны. За две недели я не видел ни одной аварии. Преступности нет. Хотя ночью гулять не рекомендуют. Встречаются попрошайки, говорящие на хорошем английском или французском. Старая Гавана – музей архитектуры колониальных времен, но живой, населенный живыми, абсолютно современными людьми.

*

Темнокожая девушка, в белоснежной свободной юбке и небрежно полу расстегнутой блузке, вывешивает стираное белье на улице у подъезда. Она что-то напевает. Раскосые бархатные глаза внимательно следят за иностранцем. Я останавливаюсь, чтобы полюбоваться на привлекательную мулатку. Закуриваю. «Сигарету, амиго...?» – и кубинка направляется ко мне танцующей походкой. Вдруг со второго этажа на белье обрушивается поток воды. Растерянная прачка поднимает голову и что-то кричит. Из окна выглядывает озадаченная виновница, прижимая к груди пустой таз. Оставив таз в сторону и всплеснув руками, она начинает весело хохотать. Появляются улыбающиеся соседи. Хохочет и хозяйка белья, собирая его обратно в корзину.

*

Учеба и медицинское обслуживание на Кубе бесплатны. Вообще медицина очень сильная, особенно в области глазных заболеваний. Недавно кубинские медики опробовали лекарство от диабета.

Сюда приезжают те, от лечения которых на Родине отказались. Желающие направляют письмо с диагнозом на имя Ф. Кастро.

Окончив институт, кубинские медики распределяются в самые отсталые, труднодоступные уголки мира. Любой опыт, полученный в экстремальных условиях, бесценен. Так же, как опыт сердца. И если человек познается в горе, то сердце человека познается в радости.

*

Смотрю в величественную тьму моря и неба. В этот вечерний час они едины. Сама Вселенная склонилась над островом, убаюкала в своих объятиях, унесла с Земли. Набережная – это узкая полоска света, населенная рыбаками, музыкантами, влюбленными. Вступив на берег Кубы в 1492 г., Х. Колумб воскликнул: «Передо мною Рай!». Возможно, таким и должно быть население Рая: рыбаки, музыканты, влюбленные. Рай – это остров, это Возможность любви.

Я сижу на набережной, свесив ноги в кипящую тьму. Край ли это моей жизни, или начало чего-то нового, казавшегося невозможным?

*

На Кубе нет проституции в нашем понимании этого действия. Кубинки дарят свою любовь естественно, безоглядно. Ибо более счастлив даящий, нежели получающий подарок. Если ты ответишь девушке деньгами, золотой цепочкой или бутылкой рома, то она предложит вместе потратить деньги и обязательно выберет, что купить тебе, а цепочку оденет на ваше следующее свидание. Потому что после первого ты не сможешь отказаться от второго...

*

С Цесарем меня познакомили заочно еще в Москве, в посольстве. Атташе по культуре синьор Альфредо дал его адрес и телефон в Гаване и сказал, что он покажет мне город. Цесарь учился во Львове. Работал дипломатом. Теперь журналист в Гаване. Готовится снимать фильм о жизни кубинцев, оставшихся в России. Его отец – друг Фиделя Кастро. Сидим в уютном ресторане напротив Капитолия. На столе креветки, черный рис, маслины, сладкий картофель, сочная свинина, фрукты, сок (Всего 6 дол. с человека).

«Отель Националь, – неторопливо рассказывает Цесарь, – отстроен в 20-е годы на деньги американской мафии. Это самый престижный отель в Гаване. Там есть музей знаменитостей, когда-то посетивших его. Это известные мафиози, музыканты, голливудские звезды, политики. Там был Черчилль, ваш Гагарин. Я сам видел, как в парке прогуливались Мохаммед Али и Теофило Стивенсон, большие друзья в жизни, – Цесарь переводит дыхание и, сверкнув глазами, продолжает, – ... Еще есть интересное... Дерево, посаженное в честь основания Гаваны. Оно священно. Если обойти его три раза и загадать желание, то загаданное непременно исполнится. Правда. Я проверял», – он весело подмигивает своей молодой жене.

*

Сегодня 7 июня. На стареньком 412 Москвиче Цесарь въезжает в элитный район Гаваны. Фешенебельные особняки увенчаны флагами иностранных государств. Здесь расположены посольства. За серой бетонной стеной – крупное молчаливое строение Российского представительства. Недалеко просторная территория резиденции Фиделя Кастро. Зданий не видно. Они где-то в глубине за прибранными деревьями. «Вся его семья живет вместе, – поясняет мне Цесарь, – Фидель любит, когда за обеденным столом собираются сыновья с женами, внуки. Кубинцы обожают своего Фиделя. Он один из нас. И, одновременно, один из тех, кто пришёл к нам».

Мы закуриваем крепкие, сладковатые, словно поцелуй, кубинские сигары. Выходим из машины. Воздух к вечеру становится более пахучим, свежим. Перед нами знаменитая аллея королевских пальм. Белые стволы высоко взметнули свои вершины. Сверкающие кроны разлетаются в Небесном ветре. Возможно ли, что в этом ветре я мог бы прожить всю жизнь? Цесарь будто подхватывает мои мысли: «Почему не так? Мы поедem к священному дереву. Загадывай. И если дерево не понимает по-русски, то крепко обними его. И оно исполнит твое сердцебиение».

Когда я уезжал из России, мне говорили, что я не вернусь. Что есть такие поступки и такие расстояния, которые обратно не проходят. И все-таки Возможность острова предполагает любовь. А без любви даже райский остров становится твоим одиночеством в квадрате или, извините за каламбур, в кубе.

*

Завтра последний день фестиваля. Мы прощаемся друг с другом. Канадцы, мексиканцы, французы. Подливая ром в недопитые бокалы, мы прощаемся сами с собой. Мы запомним, что среднегодовая температура на Кубе +27° С, а температура воды в море на градус ниже. Запомним, что здесь жарко, влажно и ветрено, и что кубинцы на всё отвечают: «Но проблем!».

Мы запомним ночной шум пальмовых листьев, теплоту морского прибоя, сочные плоды манго и вкус коктейля «Мохито».

Мы запомним страны друзей, но забудем друг друга.

Мы вернемся домой, чтобы складывать крылья в угол.

*

Я иду по набережной. Быстро темнеет. Из ближайшего кафе слышна негромкая кубинская музыка. Роскошные ночные мулатки лениво потягивают пиво. За соседним столиком одиноко белеет немец. Я иду. Я не могу остановиться. Хочется говорить по-русски, смеяться, влюбиться, остаться... или, прощаясь, обещать вечной любви. Нет. Неправда. Хочется бежать к священному дереву и еще раз повторить желание, вдруг я загадал его слишком тихо. Хочется послать все к черту и оставить себе единственную возможность – возможность острова.

Ром заменяет все желания. Сжимая в руке трехполовиной долларовую бутылку, сворачиваю к беспечно болтающим музыкантам. «Ола, – кричат они, – Как дела на Фестивале?» Кубинцы очень приветливы. Я улыбаюсь и пускаю бутылку по кругу. Амаури замечает, что я неплохо говорю на испанском, особенно после рома. Смешливая мулатка Нейла протягивает руку. Белая ладошка покорно замирает в моей руке. Мягким, убаюкивающим полупшепотом Нейла беспокоится, почему я не сплю и немного расстроен, может, скучаю о ком-то. Я отшучиваюсь, что высплусь дома, зимой.

Я пытаюсь объяснить, что я хоть попробовал найти свой Остров. Что временами он казался обыкновенной сушей, населенной людьми из прошлого. Что временами он был, как любовь, ничего не знающая о времени. Что я понял, что жизнь начинается с восхода солнца и продолжается полоской света, населенной музыкантами и влюбленными. Что жизнь начинается не с прошлого. Что жизнь начинается с любви, с возможности острова, окруженного великой

темнотой. А будущее всего лишь примечание к желанию, которое я сегодня оставил дереву.

Нейла слушает очень внимательно и смотрит на мои губы, будто читает. Амаури переводит. Она смеется, для нее нет невозможного, и она права. Кубинцы неторопливо играют «Отель Калифорния». Нейла потягивается и предлагает искупаться. Мы ныряем не то в море, не то в небо. Мы ныряем в темноту, будто спрыгиваем с Земли.

2006

Больше недели брожу по старой и новой Гаване.

Общаюсь с торговцами фруктов, со студентами, вслушиваюсь в испанскую речь.

Вслед за бессонными мулатками сажусь в пятидолларовые такси, которые мчатся всю ночь.

Вечерами, на набережной, ловлю рыбу с рыбаками и пью ром с бесшабашными музыкантами, поющими для туристов за деньги.

*

Я хочу написать книгу о Кубе. Я вбил себе в голову, что Куба – остров, позволяющий любовь. Что здесь влюбленные имеют возможность острова – своеобразного эгоизма вдвоем. Когда ходишь и радуешься. Когда есть человек, который радуется тебе. Остальное или остальные, словно пейзаж за окнами, – мимо, всегда мимо. Что здесь не ждут счастья пожизненно до отупения, до смерти. Здесь радость – не крик, не восторг, искажающий лицо, когда крикнувший сам не знает: ненавидит ли он или готов полюбить. Здесь радость – дующий с моря ветер, раскачивающий цветы, приносящий прохладу, запах водорослей, шуршание волны и покой, вечный покой жизни.

И ветер учит меня дышать, и море учит не торопиться.

Я иду на набережную, к музыкантам и, как искренне русский человек, говорю о своих проблемах, о необходимости что-то решать, о выборе, в который верю, о том, что не разделяю их беспечность и оптимизм, что дома, в Сибири, я буду готовиться к зиме, покупать теплые вещи и называть особенно лютые холода христианскими праздниками.

Я говорю, что я верю в радость, но она далека от меня. Что моя жизнь – это тихий, ежедневный протест, не имеющий срока давности.

...Говорю, и кубинцы протягивают мне бутылку рома и подсказывают мне, махнув рукой: «Маньяно», что значит «завтра», а

сегодня этого нет. Они показывают, что «завтра» – символическое место, туда посылают проблемы. Кубинцы показывают на море, потому что у моря, а значит, у жизни нет ни времени, ни проблем. Они вечны, и это хорошо. И мне предлагают и море, и остров, и возможность забыть про «завтра».

Студент Мигель, приехавший на каникулы из Испании, открывает видеоплеер и, неожиданно для меня, звучит тревожная, русская, усталая песня. Кубинцы, улыбаясь, берут гитары, рассыпают в воздухе маракасы, и вот уже не слышно тревоги. И две мулатки, подруги Мигеля, танцуют так, что хочется, чтобы этот вечер был и моей жизнью.

Я смеюсь, потому что здесь, в Гаване, я научился узнавать человека, идущего мне на встречу. Научился жить, а не безропотно готовиться к зиме. Я смотрю на играющих, оглядываюсь на дома с распахнутыми окнами, потому что жарко, на кубинцев, сидящих на пороге соседнего дома, на тлеющие в сумерках огоньки сигар, на цветы, на море, я смотрю на танцующих девушек, в глазах которых таится другая ночь: темнее и жарче кружащей над нами. Я не вижу ничего, что могло бы быть разрушено временем. Не вижу торопливого времени. И мне нравятся эти люди, живущие свой каждый день, как один, без передышки, в уютной, никому не нужной, небогатой вечности. Живущие в радости.

*

Кладбище в Гаване – это не скорбное место, скорее торжественное. Подлинный музей архитектуры. Значит, еще при жизни, навещая предков, можно представить свой прах, покоящийся в каменном убранстве. В этом есть рациональное зерно. Вполне допустимо пофантазировать и реально добавить к скульптурному ансамблю склепа пару подслеповатых ангелов или, к примеру, заменить входную решетку на более современную. В общем – подправить свой будущий приют для взора благородного потомка. Камень аккумулирует в себе целые века, характеры, вкусы, сжимает воедино и человека, и его судьбу, и ветер. И для прохожего, вроде меня, при ярком свете, откроются задумчивые страницы прошлого, блеснет фантазия скульптора, вдохновленного умершим. И явится сама смерть, как причина творения, переродится, воспевая жизнь, уступая ей право на вечность.

*

В планы моей поездки входило посетить известный курорт Варадеро и доехать до Сантьяго-де-Куба на востоке острова. Мне хотелось увидеть жизнь кубинской провинции.

Я прощаюсь с музыкантами и рыбаками, с горничными отеля, раздаю последние плитки российского шоколада и беру на прокат старенький Кадиллак.

Ближе к полудню, чтобы подкрепиться перед дорогой, паркую машину на площади перед малым храмом монастыря Сан-Франсиско-де-Асис. Меня привлекает необычное зрелище: обряд Посвящения в невесты. Маленькие девочки, одетые в свадебные платья и украшенные цветными лентами, садятся в открытые кареты, рядом с мальчиком. Карета медленно объезжает храм, дабы Господь заметил невесту и, заметив, вдохнул любовь. Каждой вручают огромный букет – символ благословения от Господа. Процессия сопровождается пением и танцами.

Рядом с храмом на краю скамьи сидит девушка в тонком светлом платье и очень серьезно наблюдает обряд посвящения в невесты. Роскошные черные волосы откинута назад. Лицо, освещенное солнцем, выражает легкую досаду и, одновременно, любопытство к себе.словно она попала в наш мир без билета, случайно, но в этом ее отличие от всех, ее достоинство. Хрупкие плечи, нетронутые загаром, выглядят вызывающе нежно среди темнокожих кубинцев. Кажется, ей нестерпимо холодно в этой тропической жаре. Путая испанские и английские слова я пытаюсь расспросить о празднике. Она слушает, но смотрит мимо меня. Улыбнувшись, отвечает на русском:

– Привет. Я ничего не знаю об этом, – И добавляет, – Мне нравится слово «Гавана», потому я здесь.

Площадь наполняется туристами. Их мучает жной. Почти все лениво жуют пиццу, запивают пивом и беспрерывно щелкают фотоаппаратами.

– Style pompiér, – шепчет девушка по-французски и чуть громче, – Банальный стиль. Немцы совсем не умеют себя вести.

Стремительно встает.

– Пойдем. Я покажу тебе, где самый вкусный кофе в Гаване.

*

В холле старинного еврейского отеля пахнет кореньями и черносливом. Комнаты обозначены именами библейских персонажей. Ярко освещенная стойка бара находится в 36 метрах от столика. Скромные фонтанчики нашептывают покой. На стене широкое полотно с изображением какой-то воздушной русалки. Все это венчает прозрачный розовый купол в белом и золотом узоре. Сам купол и рассеянный солнечный свет под ним напоминают еврейскую музыку, звуки, когда в небо устремляется не только душа, но и вместе с ней все великие мелочи земной жизни.

Официант подает нам крепкий ароматный кофе. Девушка задумчиво произносит:

– Меня зовут Ина. Но я многого о себе не знаю. Никогда не проси меня рассказывать о себе.

Она неловко утопает в роскошном кожаном кресле и смотрит, слегка склонив голову, мимо меня, будто вслушивается в отдаленную знакомую музыку.

– Знаешь, в детстве я учила иврит...

Но я перебиваю. Я излагаю поверхностное знание Библии. Говорю о своей ненаписанной книге, о Древе жизни, с которого не ел Адам, о том, что Куба – Рай, что здесь есть возможность острова, как написано у писателя. Говорю и понимаю, что говорю глупость. Я рассказываю о рыбаках, музыкантах и влюбленных с набережной, о молчаливой тьме, окружающей остров по ночам. О своей поездке в Сантьяго...

– Как странно ты говоришь, когда забываешь обо мне, – сердится Ина, – ты эгоист и к тому же безграмотный. Я бы убила тебя, но мне нравится тебя слушать.

От неожиданности я замолкаю и нахожу спасение в обжигающем кофе. Я думаю о том, что она ведет себя, как королева. Она превращает окружающие предметы в подданных. И, в зависимости от настроения, либо терпит их, либо покидает, но никогда не любит. И никогда не смотрит прямо в глаза, потому что для нее смотреть не на кого, потому что смотреть – значит любить.

– Я еду с тобой. Заберешь меня из отеля. До завтра. – Ина тихо смеется и уходит в прохладные, как воскресный сон, коридоры местного Иерусалима.

*

Наш Кадиллак с ревом ныряет в тоннель под бухтой, ведущий к восточной части Гаваны. Позади крепость Эль-Морро, построенная в конце 16 века. Мы движемся по скоростной магистрали, дрожащей на горизонте от горячего воздуха. Величавые королевские пальмы, как причудливые зеленые птицы на одной ноге, хлопают своими ветвями, но не взлетают, а продолжают расти. Черные грифы с обнаженными шеями в поисках добычи отворачиваются от нас.

Проголодавшись, останавливаемся в местечке Сан-Франсиско-де-Паула. Я разговариваю с местными жителями о житье – бытье, о Фиделе Кастро, и они добродушно кивают головами. Ина приносит огромный, пахнущий тропическим Новым годом, манго. С восхищением дает мне очистить и немного отходит назад. Она всегда так отходит, очаровательно улыбаясь, будто сохраняет культурную дистанцию, будто хочет, чтобы ее было видно всю. Ина внимательно следит за процессом очистки.

– У тебя красивые руки, – говорит Ина и отводит глаза.

Тем вкуснее будет манго, – я шучу и опять чувствую себя глупо.

Забавный ты. Ты ведешь себя, как ребенок. Ты сам выдаешь себя и тут же исчезаешь. Почему?

– Я не из твоих владений, Королева, – отвечаю и протягиваю ей истекающий соком фрукт, – И даже не из соседних. В соседних живут твои принцы. А я... я там, куда ты все время смотришь, но ничего не видишь.

Ина прокусывает сладкую мякоть плода и тихо смеется, следя за моим взглядом.

– Вов, – она впервые называет меня по имени, – Давай в Матансасе возьмем катер и вечером уплывем в море, там будут дельфины.

*

Вилла «Финка-Вихия», дом-музей Эрнеста Хемингуэя. Мы стоим на пороге его кабинета. Рабочий стол уставлен фигурками животных. Рядом стул, плетеное кресло. Низкие полки с книгами. Ружье. Чучело головы буйвола на белой стене. Ничего лишнего.

– Счастливый человек, – говорит Ина серьезно.

– Он застрелился, – подсказываю я, и мне становится неуютно в ее присутствии.

– Только счастливый человек решится на смерть.

Другие живут в ожидании счастья. Так проходят годы.

Она отворачивается и идет к машине.

*

Город Матансас основан в 1693 году. Достопримечательности города – театр «Сауто» и церковь Сан-Карлос. Дома выдержаны в строгой испанской архитектуре. На причале спрашиваю прокат. Веселые темнокожие мужчины и женщина окружают нас, что-то нежно говорят, напевают, танцуют, повязывают цветными лентами и вручают Инне огромный белый букет. Они берут нас за руки и ведут к уютному катеру. Механик рассказывает, что и как. Тяжелое солнце касается океана и замирает на минуту. Кубинцы отталкивают катер от пирса и продолжают петь и танцевать босиком на влажном песке.

– Ты понимаешь, о чем поют? – Ина, по-королевски вскинув голову, прислушивается, улыбнувшись, добавляет, – Хорошо, что не понимаешь. Это не для тебя. Я завожу мотор. Я еще не знаю, что началась жизнь, похожая на кругосветное плавание.

Густая ночная мгла скрыла огни Матансаса. Я заглушил мотор, и мы остались наедине с небом. Тишина такая, что кажется, что слышно подводное движение рыб. Любопытные звезды застыли в нерешительности, ожидая первого слова, чтобы сорваться вниз. Ина молча сидит на палубе и смотрит на звезды. Тонкие руки обнимают колени. Она похожа на человека, который готов родиться, которому необходимо начать все с начала, с тьмы над океаном, с падающей звезды, с возможности острова, с нового своего мира, и населить его своей любовью.

– Видишь, они ждут, – тихо произносит Ина, – Загадывай.

– Ты соединила в себе все мои желания.

– А ты не боишься?

Она обернулась и посмотрела прямо в глаза.

В ее темных зрачках дрогнул свет. Я покачал головой. Она опустила веки, и стало совсем темно, будто все звезды, торопясь исполнить желание, разом упали с неба. Будто мы оказались по другую сторону смерти и не спешили вернуться, переживая радость глубже, чем боль.

*

С утра гостим у пожилой кубинки, назвавшей себя Мами. Полная и смешливая, она гортанно выкрикивает отдельные слова, хохочет и смешит Ину. Вместе они готовят пазлю на оливковом масле с кальмарами и устрицами.

Я сижу с хозяином возле дома под огромным манговым деревом. Мы говорим о погоде, об урожае сахарного тростника, о том, что у меня в Северии ночь, холодно и никто не думает о Кубе. Деревья в саду словно раскрашены пылающими цветами. Среди кактусов бродят изумрудные павлины, влача царственные хвосты в пыли.

Вбегает Ина – счастливая, загорелая, ее широко раскрытые глаза ярче любого павлиньего оперенья.

– Я научила Мамаи говорить «Кушать подано!» – она победно смотрит на меня. Из дома доносится: «Куса подани!» Мы смеемся и идем к столу. После обеда поем и танцуем Румба. Ина оживленно шепчет:

– Я сказала, что ты – писатель. Они говорят, что рядом с тобой я особенно красивая, потому что ты внушаешь уважение. Потому что ты, они говорят, любишь меня.

*

Следующую ночь мы решаем провести на знаменитом мировом курорте Варадеро. Широкая песчаная коса протянулась вдоль северного берега острова. Останавливаемся в одном из многочисленных отелей. Паркуем машину рядом с гигантским дельфинарием. В отеле четыре ресторана (два на улице), несколько баров, рядом парк, бассейн с «лягушатником», спортплощадка. До моря каких-то пятьдесят метров, пляж, белый песок. Изобильный «шведский» стол круглосуточно. Кофе, сок, вино, коктейли, ром в любом количестве и бесплатно. Мы ужинаем свининой, изжаренной тут же на углях, фаршированной рыбой и причудливыми салатами. Запиваем красным испанским.

Официант слишком смело разглядывает обнаженные плечи и руки моей спутницы, что-то приглушенно говорит.

– Он предлагает бутылку в номер, – переводит Ина, – и фрукты. Он желает нам... – она откидывается на спинку стула и с веселым удивлением разглядывает потное лицо креола.

Ночью дискотека для туристов. Специальный свет выхватывает из темноты белые одежды. Кажется, что танцуют вещи. Крупный, выгоревший до желтизны, канадец ломает себя, кружа, как пчела, разбрасывая увесистые руки. Парами-тройками, прижавшись друг к другу, танцующие соединяются в длинного извивающегося «змея» и вращаются, двигаясь по площадке, будто в едином пронзившем их сексуальном желании.

– Я помню, это – Anus mundi. Латынь. Так говорили в Риме. Я хочу искупаться. Сейчас, ночью...

Не договорив, Ина быстро направилась к выходу.

Влажный, теплый ветер с моря заставляет замедлить шаги. Звонко шелестят пальмы. Из глубины темных, усеянных светляками, кустов стрекочут несметные насекомые. Моря не видно, но слышно его дыханье.

– Посиди здесь. Я одна, – она растворяется в темноте. Подхожу, чтобы слышать плескание. Обнаженная, стройная Ина появляется из воды. Отжимает намокшие волосы. Нежные, девственные полоски от купальника выглядят беззащитно. Волны ласкаются у ног. Кажется, что она рождается из морской стихии. Она легко наклоняется за полотенцем. Заметив мой взгляд, стыдливо прячется в теплые махровые складки.

– Я хочу спать. Ты можешь посидеть в баре, пока я сплю, – говорит Ина и, словно увидев что-то или вспомнив, пугливо прижимается ко мне, целует в щеку, – Извини. Это чувство, чувство, что ты меня никогда не покинешь, мешает мне быть внимательной. Я провожаю ее до номера и ныряю в бар.

– Ром! – решительно поднимаю ладонь над стойкой.

– Муча рум? – бармен выкатывает на меня желтые белки глаз, – О амиго, амор, амор!

*

Сантьяго-де-Куба – живописный пиратский город, расположенный на холмах. Здесь прохладнее, чем в Гаване. По спутанным улицам урчат российские Жигули. Кубинцы предпочитают машины, запчасти к которым можно сделать вручную. Ина оставляет меня и идет изучать магазины. Мы решаем встретиться у ратуши, красивейшем здании начала 20 века, но стилизованном по образцам 18-го.

Я отправляюсь в городской Союз писателей. Кубинцы организуют экскурсию. Посещаем Галерею современного искусства Кубы, музей Ассоциации «Больше света» и вечером я спешу на первое наше свидание.

Ина появляется веселая, во всем новом.

– Знаешь, за эти дни я многое поняла о себе. Даже удивилась. Это ты рассказываешь меня, – Ина с улыбкой отступает в сторону, – Ты заменяешь мне весь мир?

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

– Я не заменяю, я и есть твой мир, Королева, – отвечаю и думаю, какая она разная, неуловимая, всегда интересная, – Ина, ты в нем единственный житель, и этого достаточно для моего мира.

– Да ладно, – по-кубински томно произносит Ина, – Ты говорил о книге...

Солнце погружается за горизонт. Мгновение, и глубокая тьма окружает остров. Огромный белый океанский лайнер в порту, оставленный пассажирами, выглядит, словно последствие катастрофы долгожданного счастья.

И мне кажется, что весь город, все кубинцы на притихших улицах и мы вместе с ними, а может быть только мы, обремененные будущим, живем у подножия белого океанского лайнера, но не решаемся подняться на борт.

Я увлекаю за собой растерянную Ину.

– Пойдем. Я по дороге объясню тебе, куда уплывет корабль.

2006

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИСЬМА

1

...отрастил недельную щетину, побрил налысо голову и дико живу. Это потому что середина июля, жарко в городе. Днем занимаюсь спортом и загораю на университетском стадионе, вечером пью красное вино, сидя на стволе поваленного дерева в каком-нибудь приглянувшемся дворе, разглядываю проходящих женщин и думаю о пустяках. Мне нравится замечать то, что существует помимо меня, мне нравится то, что вечно.

Иногда, рано утром, когда люди еще не переполнили улицы, я иду в парк смотреть, как появляется на свет, оживает фонтан. Ты не видела этого. Ровно в семь, вдруг, несметные струи взлетают наперегонки, замирают в воздухе, окрашиваются восходящим солнцем, дружно падают в круглую чашу бассейна, и звучит холодное кипение воды и света. Свежий ветерок прогоняет из головы ночные видения, и я с удовольствием доверяю этому славному редактору мысли.

Скоро поеду на Алтай, в степь, к мертвому озеру, лечиться от старости. Там друзья, баня, комары, дороги, бури в небе, каштановая земля и ковыльные травы. Все незнакомое. Стану счастливым.

Недавно проходил по аллее нашего с тобой парка. Увидел молодых священников, весело разговаривающих о чем-то. Я спросил, который час, – неумно спросил, неуверенно. Один посмотрел на меня, другой добродушно улыбнулся, придерживая жвачку между зубов, и легко назвал точное время. Парк – это деревья, деревья, деревья.

Защита моей диссертации в совете Литературного института прошла успешно. Все поверили, что Сергей Аксаков написал книгу, данную ему Богом, книгу о человеческом космосе. Написал и перекрестился.

Я рассказывал тебе его тексты, и мы все придумали.

После защиты я вернулся к нам, в наш город, поставил вещи, и мы отказались от прочей жизни, стали невидимые, потому что сами не видели никого. Вечером рвали цветы на клумбе. Чей-то ребенок оглянулся, и мы приветствовали его. В тот день в магазинах продавалась водка «Аксаков», больше такой день не повторился, вернее – водки такой не стало...

Странно: тишина возможна только для двоих, в одиночестве много шума.

Ты говорила, что со мной интересно жить. Но ты не жила со мной. Обычно рабочие будни переполнены известного рода суетой, и мне не хватает себя самого – вот настоящее одиночество. Поэтому я отучаю других от себя, и вечером ко мне возвращается чувство удивления. Был в саду у родителей, в сумерках срезал девять пахучих лилий, ближе к полуночи приехал домой, убрал пыль, вымыл пол, расставил цветы: в книжный шкаф, на стол, на пол, на подоконник и открыл окно. Входи, ночь, располагайся поудобнее, будем беседовать, я хороший слушатель, я не усну, как не засыпал в детстве, стараясь продолжить самую короткую сказку.

Прошло время с того дня.

Я приехал из алтайской деревни под гудящим названием Кулунда: степи, звенящие кузнечиками, пустынные, рыжие. Богатство края – двадцать пять озер, восемь из них пресноводные, остальные – соленые, щелочные и даже белые гипсовые. А говорят, что озер больше двух тысяч. В щелочной воде можно стирать пыльную одежду, а соленая соленей, чем в море, уж поверь мне. Берега – черные, лечебные. Туристы обмазывают себя тяжелыми, пахнущими сероводородом грязями, твердеют под солнцем, настойчиво сидят в воде, вздыхают и говорят друг другу, что стало легче. Население степных деревень разное, многоцветное: золотистые, льняные, щедрые на домашние пирожки, забавно гутарящие украинцы; белолицые, аккуратные немцы; темноволосые, пропахшие степным жаром казахи; похожие на черные дыни таджики; случайные цыгане. Утром, подумав о тебе, я завтракал хозяйскими пирогами и, разглядывая небо – что там оно обещает, – шел гулять по деревне. Дома, огороды, овощи и фрукты, распахнутые двери магазинов, звонкие велосипеды – все радовало меня. Потом, если не было дождя, отправлялся на безлюдный берег озера Щекулдук, что в трех километрах от деревни: валялся на песке, всматривался в облака, подолгу плавал нагишом, высыхал на ветру, и тело покрывали соленые кристаллы. Недалеко от воды в траве жили маленькие степные лисицы – корсаки, они не боялись меня, и я делил с ними хлеб и разговаривал. Помнишь, когда мы были вдвоем, но нет, не в деревне, а здесь, на озере, купались под тихим дождем в рассветной воде и впервые увидели лису, ты воскликнула: «Ой, собачка, нет, не собачка!» Мы поняли это по ее взгляду – спокойному и честному, вольному. Я жил возле хозяйского дома, квартировал на летней кухне и вечером топил баню, с большим удовольствием парился березовым веником,

мылся пресной водой, а когда хозяева ложились спать, и большая ночь окружала дом, выходил на крыльцо, садился на ступени и смотрел в звездное небо. Казалось, что я один на этой земле. Но вдруг раздавался шорох, из травы выходил ёжик. Он ел молоко из блюдца, фыркал и спешил по своим делам. Знаешь, как непонятно много звезд над степью! Будто кто-то рассыпал небесную азбуку, и мне необходимо ее собрать. Небо – это начало письма. И, когда звезды падали, я вспоминал о тебе. Я знал, что ты спишь совсем близко и очень хотел присниться тебе.

В августе ездил в Москву. В Москве все по-прежнему. Каждый день – дождь и каждый день – солнце. Моя любимая погода. Много гулял по незнакомым и знакомым улицам и совершал свои открытия. Рядом со мной кроме тебя никого не было, потому что не было тебя. Но я рассказывал тебе о том, что видел. Не поверишь – мне было хорошо! В безлюдной Москве. В желтой, пустой Кулунде. И когда уезжал туда, и когда возвращался, то лил дождь, в который верю, как в добрую примету, – мой дождь. Значит, мне рады. Неважно кто. Я чувствовал эту радость и торопился. А в какую сторону еще двигаться? Нет желанных адресов.

У меня с тобой сад на горе. Там растут овощи. Я за ними ухаживаю, когда тебе не до меня, собираю к зиме. И пугало есть в саду, оно меня встречает, потому что улыбается. Хорошее молодое пугало. В октябре пошел первый снег. Снег на желтой траве. Снег в небе. Я испек огнем курицу и говорил об этом с пугалом. Мы говорили о счастье. Ты тоже любишь овощи этого сада, и печеную курицу, и пугало. Твой ответ печальный или безразличный? Не слышу. ... да, права. Надо слетать за какую-нибудь границу, сменить обстановку, не говорить с тобой. Что-нибудь звучное выбрать, яркое. Здесь палевые травы да пепельный снег.

Доброе утро, девушка по имени Иванна. У меня сегодня воскресенье. Со мной воскресенье. Твои слова о поездке в Германию звучат неубедительно. То, что есть, где остановиться, – у бывших, из России – указывает на то, что путешествие не состоится. Одна точка опоры сменит другую. Продолжая воображать, вижу – хорошая страна Тунис. Думаю – твоя мечта. Ты же мечтала увидеть Африку – землю, для которой важна

линия горизонта, потому что очень высокие облака. Там женщина всегда чувствует тень мужчины, а мужчина никогда не теряет женщину из виду – это особенно приятно для любого её движения.

Написав так..., хотел бы направиться в Александрию – чудное плетение улиц и солнечных лучей. Город эллинистического пепла и черного тминного меда, город, в котором когда-то правил библиотекарь, а количество книг превышало количество неугомонных правоверных конников, захвативших его, посланцев великого и не грамотного пророка.

... медленно бродить по этому городу, удлиняя свою тень, часто сворачивать в переулки, останавливаться, понимая, что я здесь один, ночевать там, где застанет усталость, где глазу, уставшему от дневного света, особенно необходимо видеть понравившейся дом изнутри. Сторониться чужого, ненужного предложения. Случайно. Там все случайно. Подойдя ближе, во двор, узнать, что хозяйке сегодня приснился гость, и долго не сводить с нее взгляда. Кивнуть на приглашение без перевода. Мысленно остаться здесь навсегда. Успокоиться перед сном незнакомыми звуками, посидеть рядом с домом, опираясь спиной о прочную стену, привыкнуть к неподвижности темного неба, и рассказать самому себе или такому как ты попутчику – вот бы такому как ты – не видимое никем содержание прошедшего дня.

Август. Тепло. Первый туман. Верю, что осень наступит. Жду ее прихода, как жду человека, который торопится ко мне, и кроме нас двоих некому встретиться.

Когда думаю об осени, я не думаю о тебе.

Ходил смотреть, как исчезают в тумане люди.

И все-таки, настоящий дом для мужчины, когда на его постели спит счастливая женщина.

Сегодня проснулся до рассвета. Густая, тяжелая синева в открытом окне. На подоконнике притих ночной мотыль. Осторожно пошел дождь, словно капли выбирали, куда им упасть. Потом – смелее, настойчивее, будто в любовной прелюдии, будто дождь ласкал в темноте землю и стремился перецеловать все листья на деревьях, все упругие травы. Сверкнула молния, сдержанно вздохнул мужественный гром, и дождь уже невозможно было остановить. Пронзительно вскрикнули растревоженные птицы. Я подумал... я слышу чудную

музыку: скрипки, литавры, барабаны, жалейки роняли и возносили звуки. Стало светать в небесном зрительном зале. Я закрыл окно.

Это возможно, что перед лицом Бога ангелы исполняют Баха, но в своем кругу играют Моцарта.

Рассматривать мир – эротическое чувство.

Все-таки, я выбрал бы Александрию. Она притягивает меня – великое и отвратительное в домах, во встречах людях, в гримасах молодого восторга и отчаянной старости, в агрессивных запахах цветов и мусорных свалок, в надменных попрошайках и белоснежных арабах, в мерцающих у порогов своих жилищ девушках. Обман, и следом – очарование. Город, в котором прошлое – мачеха настоящего.

Ты будоражишь фантазию. Раньше твои фразы были для меня как знаки препинания, я замирал и смотрел во все глаза, теперь – как напоминание о свободе, о гимнах, которые ты всегда слышала и любила мир. Не знаю, зачем пишу, и нет со мною написанного, пишу как раньше, в голове, чтобы ускорить встречу, или – чтобы увеличить расстояние до бесконечности.

Проехать самостоятельно по Карибским островам: Куба, Гаити..., до французской Мартиники – такое у меня желание. Заблудиться беспечно, встретиться в портовом кафе под звуки сальсы. Без туризма. Ведь туризм подобен сайтам знакомств – он стерилен – одноразовый и печальный контакт. И нет событий. Я стремлюсь к другим ощущениям, к происхождению нового смысла – жить заодно.

Согласен, для женщины мужчина – это внешняя граница ее страны, ее видимый горизонт, а она для мужчины – госпожа его могущества, внутренняя тишина и порядок.

Но что-то я разговорился. Ночью ты мне снилась. Ты сидела за столом и будто что-то про меня знала: строгая была, с прической, стол красивый, старинный, круглый. Но добрый день, разная Иванна.

Помнишь, я говорил, что у меня есть кто-то – Некто невидимый, который всегда рядом, подсказывает, подает знаки, и я чувствую его присутствие, а в детстве часто говорил с ним. Ты тогда ответила, что у тебя Он тоже есть и появился вместе со мной. Я смеялся – не смейся – я почему-то подумал, что Он у нас один и подарил нам явление встречи. Так находят друг друга шпионы, зная один пароль на двоих –

символ узнавания – и дополняют друг друга, продолжают друг в друге, так небесные дожди, нашедшие землю, продолжают цветами: ромашками, лилиями, незабудками.

Писал и остался наедине с притихшими вдруг словами. Когда ночью работаешь над текстом, то загромаждаешь его многозначными эпитетами, ассоциациями, а утром, просматривая написанное, вычеркиваешь ночную тьму, обнажаешь мысль.

Сам себя забалтываю, чтобы отговориться – от тебя ли, от себя. Теперь проще, теперь знаю – безответность вечна.

Не потому ли...? Когда тебя любят, ты становишься жестокой, как все счастливые. Я понял это, пока молчал. Я складывал тебя из наших, только нами именуемых примет. Не знаю, понимаешь ли ты. Не понимаешь.

Звук голоса – это порядок, это и есть сам человек, который нарушил хаос повседневности, стал необходимым. Когда-то ты приняла меня по голосу и не ошиблась.

Пересекая Москву, испытывал особое удовольствие от того, что здесь меня никто не знает, а значит, не видит. Город отвернувшихся людей.

Когда-то в юности – вовремя – я не научился жить. У меня всегда было много друзей и не было тебя. Теперь привыкаю к твоему отсутствию, нет со мной даже этого дрессированного словосочетания «тебя нет».

Читаю рекламу чужой жизни. Везде аплодисменты.

Число твоего исчезновения – хорошее число. Привет обретенному миру. Ты встретишь того человека, – юношу, нового друга от времени, краткое продолжение жизни. Не бойся, смотри на все как на вспорхнувшую птичку. Необходимо видеть до горизонта. Пусть дорога тебе поможет остановиться.

Прости. Не то. Не так пишу.

Доброе утро. Да, конечно, доброе.

Пойду на базар, там люди красивые и ужасно интересные. Добрые люди, настоящие души. Часто, когда беспокойно в сердце, иду на базар. Веселая торговля радует меня. Я вступаю в разговор с продавцами, пробую соленья, мед, орехи, сало, яблоки, виноград. Познаю домашние хлеб и вино – обычный земной алфавит. Хвалю, спорю, вспоминаю, сравниваю, как примерно, да-да, точно, в

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

однотысячадевяťсотвосемьдесятсѐьмом году ходил по базару в городе Челпон-Ата. И мне становится тепло и уютно от простых человеческих отношений.

Пока на свете существуют базары, конца света не будет.

Не плачь, милая. Ничего, что приходится жить среди неприятных, глухих для музыки, и повторяться в банальных ситуациях. Рассказывай – это живые слезы. Два тайных шпиона, два странника – Любовь и Душа – они часто покидают нас и всегда ищут друг друга. Единственная цель жизни – стать единым, обрести цельность, но без свидетеля, без другого человека. Помнишь греческий миф о Психее? Не вспоминай его.

Продолжаю ошибаться – это мое движение. Не самое веселое наблюдение за собой.

На базаре встретил старого знакомого. Он закричал, что рад за меня, что у него друг – кандидат наук (это я). Он дышал в лицо, брал меня под руку и хохотал в ухо всякие пошлости. Он произносил слова длиной в указательный палец и звал меня на подвиги, и не понимал, что мне плевать и на него, и на то, что я кандидат. Как же он гадко радовался! Было странно разговаривать с посторонним о себе.

Прости, я сказал не то, что думал. Ты права, если бы не было этого «сегодня как впервые», – было бы совсем невзрачно. Для меня «сегодня» всегда лучше «прежнего», не хочу «прежнего», а завтра... про завтра я ничего не знаю и ухожу.

Говорят, человеку необходимо самое простое, – чтобы было кого любить, тогда есть смысл дожидаться «завтра». Появляется чувство, что все удалось, что сегодняшний день вернется, и ты навсегда в безопасности. Ты надеешься и не понимаешь, а часто уже не видишь, как мертвеет вокруг, тускнеет, глухнет. Надежда – это смертельная болезнь, съедающая день, в котором живешь.

Видеть настоящее своими глазами – роскошь для богов, такая же, как бессмертие.

Люблю, тоже плачу, радуюсь «радости ближних и дальних», злюсь, смеюсь над своим «злюковством», иду куда глаза глядят, неостановимо. Жаль, что не умею плакать навзрыд, как в детстве.

Только один раз, когда был на Кубе, в Гаване и ходил смотреть танцы, а после – ночью – на набережной, спустился близко к морю и рыдал почему-то, как мальчишка. Море подступало ко мне, брызгало в лицо, и я успокоился, засмеялся. Не было рядом человека, похожего на море, и нет, и пусть. В том же году я подал на развод, не знаю – почему, и развелся. Моему пятилетнему сыну сказали про меня ложь, и он не подходит ко мне, бежит. Горечь этого... Я учил сына плавать, узнавать птиц, слушать ветер, кататься на велосипеде, зимой с горы – кувырком, полоскать горло, завязывать шнурки, я рассказывал ему сказки и разные истории, пел колыбельные. Мы ходили в ближайшую деревню за молоком, он трогал рога козы и коровы, гладил гусеницу и стрекозу. «Папа, увези меня вон до той звезды, которая так сильно возжигает», – говорил сын Георгий. Вот уже несколько лет я прихожу в школу и смотрю, как он растет, играет с ребятами, и все. Бывшие родственники живут и ненавидят. И сын, но без меня...

Поход на базар был плодотворным. Я купил мясо, молодую свеклу, картошку, томаты, перец, могучий кочан капусты и сварил вкуснейший борщ. Сделал салат из салатов, которые дали вчера родители, добавил зеленый горошек, острый перец, копчености и остался доволен собой. Насытившись, оглядел номера в телефоне: кого бы пригласить в гости...

2

Ты права, поезд – это целый мир, замкнутый, проносящийся внутри, мимо другого, оставленного мира. Если бы я верил в тот свет, представлял бы его в виде поезда, из которого нельзя выйти. Тесный вагон, разговоры о прошлом, игральные карты, продукты на столиках, начатые кроссворды, много пустой обуви, снующие мундиры проводников, огненный чай и вечный, как у Чехова, стук.

Ехал в Уфу на Аксаковские чтения, на праздник, в плацкартном вагоне. На соседней полке молодой крупный казах скрежетал зубами во сне, за перегородкой плакал ребенок, не желающий спать в темноте, а напротив меня хихикала о чем-то бессонная старушка, перебирая свои невидимые вещи. Так и ехал, и смотрел, и слушал маленькую сценку – «Времена жизни»: детский плач, молодой зубовный скрежет и старческий смех.

В Уфе шел дождь. После конференции два вечера бродил по городу, промокал до нитки, звонил тебе и говорил, говорил.... Ты всегда любила меня слушать, зябко куталась в мой голос. Хороший город Уфа, люди приветливые и красивые. Девушки яркие и стройные. Юноши... всякие, активные. Привез в наш город банку с башкирским медом. Ты обрадовалась.

Я стоял в тамбуре, курил и смотрел на другой мир за окном, который меня никогда не увидит. Ночь была тогда, или всегда. В каждом маленьком доме, возле каждого теплого огонька происходила жизнь: там любили, рожали детей, плакали, шили платья, стряпали пироги и умирали. Я мчался в поезде, словно не существовал, потому что на том свете можно только мчаться. В купе, в этом уютном тупике, меня ждал бородатый, политически грамотный вечный русский попутчик. Кажется, такие никогда не покидают поездов – патриотический угодник, ненавидящий все, кроме своей рубахи. Я не хотел его слушать, меня тошнило от бессмысленных бунтов, я стоял в тамбуре и смотрел на жизнь, которая мне невозможна.

А тебя с добрым утром, всегда хорошая, всегда Иванна для меня.

Слушай, я-то правильно почувствовал, что твой голос стал печальнее и безразличнее. Хорошо. Все-таки жить хорошо, люблю жить-быть. Столько интересного!

Начало жизни – это когда ты клоун, а вокруг зрители. Но присматриваешься и теперь сам видишь много клоунов, они ищут тебя, а это – фильм ужасов.

У нас в городе потеплело... Не пойду на базар.

Хочу научиться спать.

Когда был в Москве... нет, не то... это прошло. Точка.

Скоро выхожу на работу в университет, на кафедру, преподавать философию. Дай Бог. В октябре, в конце, ехать в Москву. Будет поезд. Решил не верить, что ты есть, это честно. Сегодня во сне говорил с тобой из отдельных, не связанных между собой слов. Но я обознался – это была не ты. Ты делаешь меня глупым, но счастливым. Доброе утро. После каждого письма, которое мне не выдумать, становится нестерпимо празднично: гимны слышу, и так иду, будто до тебя пять минут дойти, будто всегда до тебя пять минут и я иду сквозь что-то. Ты знаешь, бывает такое чувство, которое сильнее любых отношений –

ревности, влюбленности, любого расставания. Знал о нем, но не надеялся найти в себе.

Да, точно. Иначе нечестно. Иначе – пусто.

Спускался в метро, – по моему, станция Чеховская, три эскалатора, – и думал о том, зачем я сюда приехал, и не находил ответа. Но вдруг встал, как вкопанный: на полу лежала игрушечная плюшевая собачка и смотрела на меня. Спешили люди и, казалось, ее я вижу один, она – меня. Я подобрал потерянную игрушку и неожиданно понял, что неправильно думал про письма. Понял, что все письма пишутся самому себе, и нигде нет моего адресата, и ты – это обман или единственная причина быть собой, не сойти с ума от одиночества, заговорить, услышать себя впервые. Чтобы слова одушевляли мир. Чтобы мир произошел, я пишу какому-то существу, живущему в глубине меня, открываю, признаюсь в любви, чтобы оно не плакало, не терзало мне душу, не буйствовало в пустоте. Так пишутся книги. Так звучат в голове стихи. Если этого не происходит, – человек не найдет себе места, измается и будет падать вечно.

Найденная в метро собачка на моем столе, и кажется, я пишу ей.

Настоящее не плохо и не хорошо – это необходимость.

Слушай сердце – ты меня учила, – оно везде бьется.

Устал писать. Буду учиться спать.

А вот еще бывает, тебе знакома эта странность: побуду с людьми или даже с одним, приятным и милым человеком, поговорю веселый разговор, порадуюсь ему, а после, расставшись, чувствую отчаянье в душе и зияющую пустоту, такую, что хочется бежать навстречу настоящему ветру и дождю, и к морю, как в Гаване, но не плакать, а кричать – шепотом. И сердце, бьющееся рядом, вокруг меня, закрывает свет. И странно мне, ведь я шутил, смеялся и смешил других, говорил при расставании о встрече.

Нет во мне такого сумасшествия, которое объясняло бы, почему, когда читаю – вижу то, что творится за спиной написавшего, что делает он, оторвавшись от текста, о чем беспокоится, глядя в окно на птиц, что ожидает его в следующий час, в следующий год. Я читаю и сам становлюсь автором происхождения этой книги. И тогда, после, иду, над собой смеюся и говорю: «Вот кошка, дерево, закат, три вороны, ребенок оглянулся, юго-западный ветер, но ничего, успеем вместе насмотреться», с кем вместе – не знаю – нет же никого рядом. Так и продолжаю идти, послушный владелец своего сердцебиения.

Да, добрый день. Сегодня тихо. По городу проносятся белые свадьбы, словно перелетные птицы на юг, на юг. Хочу суп-солянку, пойду, выдумаю его и понаслажусь.

У нас в этом году не было лета. Солнце жидкое, несмелое, поникшее. Последние три ночи, как говорили раньше, писали, воробьиные: гром, молния и дождь. Все эти чудеса начинаются в четыре утра. Люблю открывать окно утром, словно чему-то новому. Люблю открытые окна. Буря стихает понемногу, и птицы заводят свою солнечную колыбельную. Я выключаю настольную лампу, я жду.

Когда ты ответила, я услышал что-то знакомое по стилю, а потом понял – это из сказки о царе Салтане, Пушкина. Там царевна лебедь на желание Гвидона идти куда-то далече, говорит: «Зачем далёко?...» Понимаю, что ты рядом, но отвернулась от меня, как в том моем фильме о городе.

Письма честнее, чем живой человек. Живой касается живого, чтобы было удобно, приятно, и всегда была возможность отвернуться. Письма происходят иначе, они безжалостные. Они проникают в человека, растут в нем, разрушают его изнутри и созревают новыми плодами, ягодами. Поэтому и придумал, что ты пишешь мне.

Автор – это не тот, кто пишет, а тот, кто получает письма, и они воскресают в нем.

Живу в молчании.

Появились стрекозы: цыганочки, пожарники, броневики, обжоры, позже появятся прозрачные балетницы, – так мы говорили в детстве.

Опять дожди. Тучи такие большущие, что кажется, лопнут. Чуть выглянет слабое солнце, и несметные стайки разноцветных ребяташек высыпают во дворы. Будто ждали, были наготове – нетерпеливые шалуны из рук своих растерявшихся матерей, которые думают, что вдруг их дети вернутся домой уже хриплогосыми крутолобыми юношами.

Трава за городом опушилась белыми метёлками, и я вспомнил, что в детстве верил: травы цветут летним снегом.

Вчера перекапывал грядки в саду и нашел спящую в земле лягушку. Она отказалась путешествовать. Возможно, она права. Знаешь, ты меня приучила самому произносить твои фразы и в каждой слышать целую симфонию. Поэтому я представил, что сказанные тобою слова кружат в моей голове, но не могут найти друг друга, чтобы соединиться и стать тобою.

Привет только тебе. Сегодня, по-моему, уже сентябрь. Тревожусь за тебя, правда. Хочется рассказать, почувствовать. Моя плохая черта характера в том, что я всегда, встречая человека, думаю, что он интереснее меня, умнее: думаю о человеке хорошо. Но это «хорошо» оказывается ошибочное, выдуманное. А человек чужой. Ты, мне кажется, понимаешь меня, понимала.

Или это не о том? Слушай, я совсем не знаю тебя. Может, я для тебя - привычная свеча и горю, но тебе же светло?

Помнишь, Флобер, по-моему, заметил: «Не прикасайтесь к своим идолам, чтобы на ладонях не осталась позолота, которой вы их покрасили».

Хватит о грустном. Я ... потом тебе расскажу про спящие карусели.

Вот и увиделись. Вижу, ты читаешь мое беззвучное письмо, прочитала, нет, я ничего не вижу.

Но мне приятно, что тебе интересно жить. Вот и пишу. Может быть, хоть одно слово ты прочитаешь как свое. Сам я их не читаю.

Пожалуй, осень. Люблю торопить время. Быстрее бы зима, значит – быстрее наступит новое, да, всегда новое лето. Досадно, что время так медлительно, оно переваливается со дня на день. Его не беспокоит моя нетерпеливость. Всматриваюсь, вдыхаю воздух, ищу запахи будущей весны. Что принесет мне точное время, чем обрадует? Но, что бы ни случилось... Люблю будущее – то, что будет и то, что есть. Сегодня – будущее. Не то, что родилось вчера, а идущее на встречу. Люблю, когда люди счастливы, люблю смотреть на них, когда они меня не видят, не знают или забывают. Ах да, спящие карусели.... но это уже другое письмо. Другая встреча. Все другое.

3

Иногда я хожу в парк, попозже, вечером. Мне нравятся карусели, когда они отработали свой день, накатали хохочущих маленьких эпикурейцев и, привязанные к земле, застыли в сновидениях. Напряжение спало, и в опущенных к земле лодках, щупальцах, самолетиках, люльках хранится столько уюта и любви, что невольно улыбаешься этому покою, говоришь: «Доброго отдыха». Ночь для них – время, когда никто не мешает смотреть в небо. И колесо обозрения парит над всеми, словно приземляющийся огромный цветок.

Полнолуние, и та, помнишь, яркостная звездочка. Хочу тебе сказать... Гуляя вечером, впервые услышал, как поют спящие птицы! Слышу: чив-чив – это они, в листве тополей. Улыбнулся: спокойной ночи вам, птицы, вы тоже видите сны.

Недавно заглянул в те дворы, где проходило мое детство. Я боялся увидеть «детство», наполненное чужими людьми. Но увидел только много чужих людей. У них своя жизнь, у всех своя жизнь. Хорошо, что меня нет в этой жизни. Мне она неприятна. Как назвать? Пожимаю плечами...

Доброе утро. Сейчас пятница – день, когда вспоминают о любви. Знаешь, хочу построить свой собственный базар, а в середине посадить дерево.

Окна настезь, и надо запереть... Нет, пусть день в комнате.

Конец августа или сентября – музыкальное буйство кузнечиков или сверчков. Я нахожу странную приятность в том, что мы не встретились.

Вот бежит собака. Привет, кудлатое существо. Завести собаку? Но я не люблю держать животных, мне жаль, что они так зависимы от хозяина. Обещанная неволя – скверная форма жизни.

Кулундинская лиса теперь для нас – воспоминание.

Все чаще понимаю, что пишу по несуществующему адресу, который назвал Иванна. Значит адрес в письме – это лишнее слово. Его можно считать точкой в конце предложения.

«Предложение» – не точное понятие. Когда я что-то произношу, то ничего не предлагаю. Это признаки жизни для самого себя. Должен же кто-то быть – зачем я так думаю.

В сентябре птенцы превращаются в птиц, они уж не просятся в небо, они летят.

На улицах продают арбузы. Мимо драматического театра шла нищая и ногой катила арбуз, а в театр спешили представительные зрители на премьеру какой-то выдумки.

Завтра важный день на работе. Пожелай мне всего хорошего, не называя по имени.

Сегодня у меня... Нет, после расскажу... Так хочет мир.

Расскажи мне об этом, я хочу поверить... Бывают мысли и чувства, бывают слова, которые не произносятся, которые прекрасны, потому что никогда не были сказаны.

Поживу в тишине.

Поживи со мной в тишине.

Преподаю культурологию. Ночью готовлюсь: глажу рубашку. Студенты не дают скучать. Они подвижные, яркие, живые. Мы спорим о джинсах и литературе, о любви и семье, о том, как быть самим собою. Я пытаюсь найти в каждом из них что-то хорошее, подтолкнуть к собственным мыслям, не повторять чужую судьбу. А сам потерял тебя и пошел в парк.

К сожалению, то, что когда-то говорили гении, мы узнаем от посредственностей, поэтому я не читаю, я прислушиваюсь к названиям книг. Жизнь еще недостаточно тесна для меня, и она продолжается.

Утро доброе! Покой в голове. Хорошо. Вчера, после разговора, купил лимон и съел. Уснул, как убитый. Ночью видел Землю, поискал тебя и проснулся. Вспомнил, что ты не во сне. Уснул и вновь увидел Землю и тебя, но старался не попадаться тебе на глаза. Такая уж тактичность.

Как ты думаешь?

Нет, не ищу человека близкого. Меня нет среди ищущих. Где-то читал про дальнего, но это неправда.

А вороны уже облюбовали деревья на зиму, для сна. Хожу вечерами слушать, как они ворочаются. С ними интересно жить.

Я тоже умею заботиться. Ты очень хорошая, Иванна, поэтому я тебя все меньше знаю.

Да, вот же еще, все из-за этой самой «заботы». Неужели тебе интересно? Я позднее, вечером доскажу. А пока утро, утро должно быть веселым.

Ты знаешь, я всегда был подозрителен для родственников тем, что читал по ночам, заботился о сыне, умел быть один, не смеялся с ними над готовыми остроумиями.

Спокойная забота – самая неопределенная форма любви. Особенно когда ты не стремишься приручить того, о ком заботишься, когда тебе от него ничего не надо, кроме того, что ты его любишь. Вспомни про дальнего. Если ты такой, ты – непонятен, опасен. Почему так?

Я много заботился о других, но они не оставили меня в покое.

И для них я не удался.

Зачем тебе, зачем?

Бывает так: знаешь точно, что что-то не произойдет ни сегодня, ни завтра, а все равно ждешь. И понимаешь, что если это чувство исчезнет, то не заметят даже те близкие и другие, и десятки родные, с которыми делился словами. Видишь, что тебя не только не слышат, но проходят сквозь тебя, живут сквозь тебя, и ты обнимаешь воздух, а не желанного человека, как во сне сон... Тогда перестаешь ждать, и возникает выздоровление – чувство себя. А, впрочем, я испытываю радость от всех дней с названием «октябрь».

Откуда ты знаешь, что я люблю имена и цифры? Удачи тебе. Надеюсь, что ты счастлива.

Тепло. Потом будет зима, зима. И я есть – представляешь?

Видел, как пожилая женщина выбивала пыль из старого зимнего пальто, хлопая его о мусорный бак.

В моем городе вновь дует ветер с Ледовитого океана. Счастлив? Счастлив. У меня бесконечное число возможностей – то, что я могу. И мне интересно жить. Много дается в руки, многое теряется. И тому и другому я говорю: «Привет тебе, ты со мной, мы вместе или прощай, раз так», – и отыскиваю взглядом удивительное. Мир соглашается, кивает весело, слышит меня. Значит, я правильно его назвал.

Ты единственный человек, с которым говорю, как с миром.

Буду жить, то-то – это я умею.

...Говори со мной. Пока ты есть в мире, я бодрствую и собираю твои слова.

Сегодня я иду по твоему городу. Хочу один обойти твой город. Хочу что-то почувствовать, побыть, понять тебя. Именно так. Нет, не смогу объяснить...

В субботу выкапываю картошку и собираю тыквы. Ты будешь рядом.

Холодно у нас, холодно и солнечно.

Сентябрь - ноябрь, 2014

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Меня интересует художественный мир паузы.

О великом я знаю только то, что рассказывают
посредственности.

Сегодня я читаю книгу, из которой выпархивают
бабочки.

Моцарт у Пушкина замечает происходящее
помимо него, но с ним.

«Моцарт и Сальери» Пушкина и
«Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского
похожи.

Представление о себе и отражение в зеркале
совпадают, если ты идиот.

Одежда всегда намекает на наготу. Нагота никогда
не говорит об одежде.

Зима. Крышка гроба у подъезда дома. Рядом дети
построили снежную бабу и играют в снежки. Один
снежок гулко стучается о крышку гроба.

Иногда мне кажется, что я общаюсь с внешностью
собеседника, но не слушаю, что он говорит. Я вижу

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

маленькие морщинки – следы тысячи повторений. Они хранят гримасы отвращения, страха, гнева, любви. Я вижу его детское выражение и выражение старческое. Мне забавно, что он скажет свою речь, и уйдет довольный или несчастный. Он мог бы и не говорить. Мы бы разглядывали друг друга и смеялись.

Если меня не заметили – я на правильном пути.

Она все время ошибалась этажом и часто, без всякой цели, сидела на автобусной остановке.

– Папа, повези меня быстро-быстро, до той звезды, которая так сильно возжигает, - сказал мне сын Георгий, когда мы катались на санках с горки.

– Папа, ты пошел курить? Папа, накури мне собаку, – попросил сын Георгий.

Ненужные вещи не участвуют в моих привычках. Они лишают меня привычек. За это я их люблю.

Отучить других от себя – это здорово.

Человек, злобно читающий в туалете. У него там полка с книгами.

Память и время – взаимно исключают понятия.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Содержание – это размышление о форме. И все.

Любовь к вчерашнему. Радость от того, что было вчера. Желание повторять и повторять вчерашнее сегодня. И так изо дня в день. Так они живут.

Когда я один, мне легче не быть.

Вряд ли наши воспоминания являются нашими.

Я не хочу заступаться за свою беду.

Иногда я испытываю поистине физическое страдание, сводящую с ума боль, представляя то, что меня кто-то знает, кто-то обо мне может подумать. Странное желание – не быть в памяти у кого-то.

Старушка выхлопывает пыль из старого пальто, медленно стучая им о мусорный бачок во дворе дома.

Путешествуя, уклоняюсь от увиденного.

Ложка в ее руке дрогнула, и крупинки сахара запрыгали по полу.

– Что вы так удивились, я вас просто поприветствовал.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

После смерти ты будешь помнить о жизни столько,
сколько ты знаешь о смерти при жизни.

Самоубийство при смягчающих обстоятельствах.

Как человек говорит – так и выглядит.

Иной писатель танцует вокруг ручки, как
стриптизерша вокруг шеста, и обнажается, и
обнажается...

Отдал свое имя на произношение.

Затяжное падение сквозь жизнь.

Я знаю только то, чем стихи не являются.

Ценность стихотворения – его тождественность
чему-то внутри меня. Есть стихи-бобыли: не
нашедшие читателя.

Культура рождается всегда в присутствии
наблюдателя, живет благодаря зрителям.

Его мимика быстро исчерпала себя, и я перестал
слушать, о чем звучат его слова...

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Голый Фрейд, надо же!..

Герой «Замка» Кафки – очень тактичный человек.
В этом его трагедия.
Тактичность всегда – трагедия.

Я вышел из магазина с пластиковым стаканом
красного вина. Первый осенний морозец... будто
разбили хрусталь. От вина поднимался пар.

Погода – это тоже разлука (где-то читал).

Меня забавляет то, что я придаю смысл вещам
совершенно мне ненужным. И они со мною заодно.

Множество наблюдений исчезает в записной
книжке.

До невостробования – хороший адресат.

Тусклый взгляд дрессированного зверя, давно
отвыкшего забавлять...

Вот взял и состарился с дури.

Зеркала казались натруженными, даже увядшими.
Казалось, они беспомощно смотрят вниз, не в
силах отражать.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Он всегда заgrimирован для последнего пути.
Заgrimирован для повседневности.

Иногда я брожу по своему городу, как по старой
квартире. Мебель уже вынесли, но пол не помыли.
Комнаты, где происходила моя жизнь, пусты.

Каждое предложение должно быть отдельным
готовым произведением.
Это и есть текст.

Не смотришь в золотинки от съеденных конфет –
ужаснешься.

Казалось, наши отношения были роскошью среди
необходимости жить.

Непогрешимый мастер вспоминать семейственные
поминки.

Можно чувствовать сострадание к людям, но
лучше им не мешать.

Я предпочитаю места, недоступные моему
воображению.

Эгоизм вдвоем – это счастье.

Он любил неторопливо трудиться над сомнениями.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Провинциальная интеллигенция – жалкое зрелище. Восхищенный эрудит, либо букет из несчастных цветов. Все его мысли ограничены стеснительными кавычками.

Осторожно, все еще боясь опоздать, подошли дети...

Читал Пауля Целана. Скрывает. Сумерки Кафки и сияние Мандельштама. Надо бы читать дальше, но не получается.

Видел сон, будто я вспоминаю о ярком свете. Свет как солнечный, после дождя. Но ни солнца, ни дождя не видел. Так и проснулся: от яркости.

Все знания, все истины, все умности – всё куски. Вот и ходим мы, облитые мертвой водой необходимости, сросшиеся из кусков. Ходим в поисках воды живой. Но её нет.

Выйти бы из повседневности покурить и забыть вернуться. Билет на выход. Лучше видеть то, что не видит тебя. Не говорить избушке, чтобы повернулась, а то выглянет Яга. Но все-таки она вертится, - избушка.

От географии у меня кружится голова. А истории я просто боюсь: там рассказывают о поступках людей, которые, в конце концов, умерли.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Перечитывал Гоголя, смеялся от души. «Какой-то Шекспир сидел на чернильнице...». Это же чернильница наших писателей.

Чарли Чаплин против реформы высшего образования...

Одноразовые стаканчики, одноразовые люди, одноразовая любовь. Жизнь без запаха.

Все хорошо. Но до чего же писучи люди. Так и норвят исповедаться, раскрыть душу, а там одни черновики...

Суп из плюшевых игрушек.

Когда я вижу на кухне в раковине невымытую посуду, мне хочется напиться.

..так бьют невымытую посуду...

Шутил и захлебывался в своем остроумии.

Только в поэзии можно найти правила хорошего тона.

У этого писателя прекрасный язык во рту, и все.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Когда я живу рядом с морем, у меня нет времени
быть в курсе мировых событий.

Ты расставила в моей речи знаки препинания.

Одна женщина говорит другой: «Вот они все на
моей руке родились. А я не очень сначала
смотрела».

Иудеи гуманизма всегда у власти.

Культура – это пастбище для шутов власти.
По тому, как живут шуты можно судить о
богатстве и силе власти.

С улицы доносился разговор. Я прислушался –
разговаривали негодяи.

О критике. Надо ударить так, чтобы выросли либо
горб, либо крылья.

Манковая культура.

Она была прекрасна, будто красота торжественно
покидала ее...

Не любить его, в общем-то, покойного человека.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Говорила и говорила, примеряя ко мне свои переживания и тревоги.

Повесть совести.

Тоскующие по детским обидам писатели. Надуют губки, может, кто и шлепнет.

В библиотеке два мужчины:
- Надо раздеться, мы же с высшим образованием...

В книжном магазине он хохотал над книгами.

Хор похожий на ленту Мебиуса.

Предприниматели народного благосостояния.

Много писал и, когда вскакивал, чтоб подыскать нужное слово, громко стучался головой о потолок своего таланта и в изнеможении опускался на стул, продолжал сидеть.

Чем плотнее заперта дверь, тем дольше остаюсь во власти своего невежества.

Книга состоит из того, что говорит автор воображаемому читателю и что он говорит, когда думает, что его не слышат.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Интонация смеха как уровень бесстрашия.

Эта книга вернула меня на землю. На землю, с которой нет возвращения.

Казалось, птицы – это тоже сумерки, так много их кружило в небе.

Я сел и устал.

Видел зимой на чужом балконе раскрытый зонт. Ощущение крайней нищеты или прекрасной забывчивости. Словно хозяин еще в сентябре забежал домой укрыться от дождя, забросил зонт на балкон и не заметил, как пришла зима.

Государственный монетный двор имени Веры, Надежды и Любви.

Опыт критического благоразумия.

Он говорил всегда о возвышенных вещах и с расчетом на катастрофу.

Поиски Бога от нежелания просто любить.

Из детства особенно запомнилось поедание яйца. Каждое вареное я чистил разными вариантами, словно освобождал, а жаренное поедал четырьмя способами и еще вымакивал иногда хлеб, если хлеб был хрустящий.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Реальность – это то, что распадается, исчезает на наших глазах. То, что остается – выдумка, ложь. Искусство – воспоминание об исчезнувшем.

Когда долго вглядываешься в человека, то выражение его лица исчерпывает себя. Может это душа его боится быть увиденной, закрывается плотью, отворачивается от пристально смотрящего. Душа не любит пристальности.

Он подготовил опрятное собрание своих сочинений.

Сын Георгий свалил вместе всю обувь и сказал гордо: «Они сражаются».

Он задумчиво привстал на носочки и неожиданно для всех произнес:
«Интеллект – величина».

Жить – это подавать признаки жизни, понятные ближнему.

Побегу немножко, а то застанут меня и того гляди умрут.

Он жил для широкого круга читателей.

Хочу побыть в живой тишине.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Приведет ли кремнистый путь Лермонтова к тому месту, где можно забыться и заснуть? И будут ли продолжать говорить звезда с звездой.

Людвиг Витгенштейн: «Когда проблема трактуется должным образом, она исчезает». Но это же буддизм!

Люди везде, где нет тебя. И у них слабительные мысли.

Чиновник: «В вашем распоряжении всего несколько праздников».

Неизлечимое благородство.

Время не оглядывается на нас.

Собственные грехи – зрелище не для слабонервных. Поэтому Бог нам редко дарует талант видеть их. Чаще мы видим грехи других.

Незванный сон и незванный гость ненавидят друг друга.

Новости настали, новости подождут.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

На автовокзале мальчик лет 4 увидел на полу монетку, но поднять не может – руки в больших перчатках. Тогда он нагнулся и языком быстро взял монету, потом сплюнул её в перчатку и протянул бабушки.

Хорошо живут клоуны и чекисты, особенно их совместные дети – политики.

Я человек из общества людей. Не драматизируйте мои конфликтные силы.

Не хочешь грести говно лопатой, пльви, но только не стой.

Легкий аромат позитивного слабоумия.

«Был вечер и было утро...» – хроника выпивки.

День начинается с ночи как мужчина с женщины.

Чичиков скупает мертвые души для их воскрешения.

Подкупающая внешность жила в обществе.

Задумаешься и останешься в дураках.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Сын Георгий надевает майку и размышляет: «Папа, сначала носки, ты говорил, потом джинсы, потом майку, это не майка, папа, это моя шерсть как у кошки».

Чистилище – там кладовые Рая.

Стихи – это отказ переходить улицу в положенном для этого месте.

Сегодня модно быть претендентом в посредственности.

Улыбка – это начало понимания себя.

Патриотизм: мужики поют бабьими голосами, а бабы слушают и испытывают наслаждение.

Тупик с перспективой.

Пью чай. Вот ночь и жизнь, и мировая история, и комната для меня, и бельевая веревка, украшенная скучным узелком, он завязан моими руками, но развязать его я уже не смогу.

Лицо у него как всегда выразительное.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Одиссей прошел Троянскую войну – Ад, плаванье
– Чистилище, возвращение на Итаку к Пенелопе –
Рай.

Одиссей страдающий, по прозвищу хитроумный.
Только хитроумный способен страдать или
страдание ведет к хитроумности.

Коварное наказание богов: Одиссей должен был
идти через горы к людям,
никогда не видавшим моря и рассказать им о море.

Девочка заплетала косы пьяной спящей матери и
улыбалась.

В России всё население – элитно. Есть расслоение
финансовое, но нет расслоения умственного.

Проделки булгаковского Волонда возможны
только в Москве, в России. В другой стране он был
бы частным лицом по своим надобностям и – всё,
никакого романа.

Чтобы не было страшно, надо постоянно бояться.

Осень. Мальчик держал на ладони, вытянув руку,
сухой, огромный как череп тополиный лист и
капризно твердил: «Быть или не быть. Мама, я хочу
томатного сока с солью».

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Неперспективно хороший человек.

Игра в классики на асфальте – это прыганье по кресту, увенчанному нимбом.

Поэзия – это всегда выстрел в воздух на дуэли с действительностью.

Но это не значит, что действительность не выстрелит в поэта.

Занимался беспризорностями. Осенняя пчела с закрытыми глазами влетела в комнату и остановилась на столе.

Метание бисера может быть только прицельным, на поражение.

Благоразумие на память.

Здорово, что я тебя встретил, я от радости даже испугался.

Маленькая девочка говорит своему младшему брату: «Ты вырастешь и будешь шикарно огромен».

Культура всегда мгновенна.

Культура – это шутка перед смертью: если ты выжил, значит шутка удалась.

Культура – это остров выживших людей.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Талантливо, весело подпевать миру – поэзия.

Закатываю брюки до колен и устраиваю дела
земные.

Огромная луна и ветер, который толкает.

Высокий дворник без лица мел темноту дорожек
огромной черной метлой.

Улыбаюсь. Там, где кончается терпение,
начинается отупение.

Можно пробовать все, даже Библию по ролям
читать.

Наедине со своей глупостью – это так
интеллектуально.

Радостно, мне казалось, и снег тает радостно,
торопится превратиться в цветы.

А кто не пишет книги и письма, но мыслит, того
ищут птицы и звери, ищут люди, чтобы взглянуть
ему в глаза и обрадоваться.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

У меня есть привычка к радости, думаю, это не самая худшая из возможных привычек - мой ответ Ф. Ницше.

Мы, впечатлённые Востоком, едем на Запад, впечатлённые Западом, едем на Восток. Мы – впечатлённые.

Понимаешь, смысла в стихах нет, как нет смысла в движениях танцующего,
а ритм – это кардиограмма автора в момент удивления миром.
Начало Библии точно передает момент создания стихотворения.

Когда засыпаешь внутри дома и, очень ясно представляешь что-то снаружи – это воображение.

Я запомнил то, что отсутствовало.

На случай. Люди называют его «всякий».

Говорящие люди Гомера.

...открылись их глаза, и увидели они красоту и устыдились.

Сволочь постепенная.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Нынче метель тихая, отмалчивается.

Разглядел стихотворение в том, что казалось
нелепостью.

Грозное молчание здорового организма.

Представительный человек почтенно склонился
над своим талантом.

В твоём отсутствии много тебя.

Об этом даже врать не хочу.

Бессюжетный, интонационный роман, но столько
радости, столько печали.

Хочу зарабатывать столько, во сколько бы
обошлись мои похороны.

Вечернечаянная радость.

Какая ты ягодка, изюм сушеный.

Чем дольше живешь, тем смешнее вечность.

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Покорение вершин собственных слабостей.

Говорят, когда не о чём молчать.

Днем мысли подслеповаты, они ночные жители и лучше видят в темноте.

Есть люди, которые не горят, они взрываются и навсегда остаются местом взрыва.

Какая путаница – вижу себя, увиденным другими.

Если писатель описывает глупца, то показывает его идеально глупым, а значит привлекательным, вызывающим желание подрожать.

Изумительное невежество и порядочность в одном лице.

Удивление – честная привычка.

Когда исчезают проблемы, появляется чувство удивления.

Знать – это удачная фотография явления. Не знать – это отсутствие фотоаппарата.

В центре города стеклянная тюрьма.

Беспокойство и выражение заботы исчезло с его лица. Дедушка уже не старился, но продолжал сидеть каждое лето на крышке погреба и улыбаться мне, чужому прохожему.

Тыквенный сок для состарившейся Золушки.

Заставить что-либо исчезнуть – это не сложно, сложно это же самое вернуть.

Предрасположенность к таланту.

Пожилая женщина покупает в социальном магазине кости для супа, ливерную колбаску и большую плитку шоколада. Расплачивается и отдает шоколад продавцу: «Возьми, милая, это тебе за твою доброту».

На мой стол прыгнула сияющая синица. Кто ты? Нет её. Один ветер, ветер без человечества.

Ночью выпал снег ненаглядный, безмолвный, не тающий.

Устал слушать, как везде бьется сердце. Но клиника – красивое слово.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>РЕЛЬЕФ НАЧЕРТАН ДЫМОМ</i> Владимир Дмитриевич Цыбин _____	3
<i>ИЗДАВАТЬ НА ПАЧКАХ ЧАЯ</i> Виктор Бондарев _____	5
<i>ВТОРОЕ ПИСЬМО</i> стихотворения 2000-2005 гг. _____	6
<i>ПОСЛЕСЛОВИЕ</i> стихотворения 2006-2007 гг. _____	22
<i>В ПОИСКАХ ВОЗДУХА</i> стихотворения 2008-2009 гг. _____	27
<i>ДВОЕ</i> стихотворения 2010-2017 гг. _____	34
<i>СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ до 2000 года</i> _____	58
<i>ДВЕНАДЦАТЬ ЭЛЕГИЙ</i> 1995-1996 _____	73
<i>СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА «ИНО»</i> 1988-1993 _____	101
<i>КРУЖЕНИЕ СЛОВ</i> проза _____	123
<i>ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ</i> _____	161

ВЛАДИМИР УГРЮМОВ
Собрание разных сочинений

Издание литературно-художественное

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ УГРЮМОВ

СОБРАНИЕ РАЗНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Владимир Евгеньевич Угрюмов (г. Новокузнецк)

Предисловие: Владимир Цыбин, Виктор Бондарев

Редактор: Елена Владимировна Толкачева (г. Москва)

Фото: С. Демидова

Выпускающий редактор: Елена Эдуардовна Протопопова

Технический редактор, макет издания, дизайн: Елена Кузакова

Подписано в печать: февраль 2018 г.

Тираж 5 экз.

